

"Некрасавица и Нечудовище (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Часть 1.

Я зевнула. Снова. Наверное, раз в сотый уже за последние несколько часов. Также я уже несколько раз успела пожалеть, что согласилась на уговоры Лорейн погулять после занятий. Спать хотелось невероятно, так как ночью я не спала, а читала, а теперь пришлось тащиться в горы. что за городом, так что я была вымотана окончательно. И если изначально весь этот поход затеял Мэни только для того, чтобы поразвлечься, то сейчас его впечатлила какая-то идея посетить очередные развалины, а потому мы не просто взобрались в горы, но и сейчас шли сквозь лес, расположенный там. Мэни поддерживал меня за руку, Лорейн и Марианна хихикали, рассказывая о наших весёлых днях в школе травниц товарищу Мэни - кажется, Мартину, или Михаэлю, я не помнила. У меня очень плохая память на имена.

Забота Мэни порой казалась мне излишне навязчивой, но все же я всегда с радостью принимала её, потому что после того как Марианна раскрыла мне глаза на «истину» его доброты ко мне, я чувствовала себя несколько виноватой, глядя какими печальными становятся его глаза при взгляде на меня.

- Вот мы и пришли, - Мэни отпустил мою руку и, отодвинув кусты, кинулся к невысокому, двухэтажному зданию. Когда-то, точнее, это было здание, сейчас только остов. Каменные стены первого этажа ещё сохранились, а вот на втором этаже уцелело лишь несколько опорных стен, а крыша лежала между ними и частично рядом с зданием.

- Здесь когда-то находилась тюрьма, - радостно сообщил Мэни, - но потом её закрыли, потому что стали поговаривать о проклятии. Мол кто-то из заключённых проклял её, и стали очень часто гибнуть те люди, кто там работал.

- В общем очередная сказка, - Лорейн спокойно оглядывала здание.

- Сказка или правда, какая разница, важен сам факт, что перестали пользоваться тюрьмой и все. Но самое главное это не это, да, Мартин? - Мэни подмигнул своему другу. Все-таки Мартин, надо запомнить. Я взглядела в ставшее хитроватым лицо молодого парня передо мной, он чем-то походил на Мэни и можно, наверное, бы принять их за братьев. Только Мартин был много выше и костлявее, а вот Мэни, наоборот, приземистее и упитаннее.

- Верно-верно, - Мартин снял с пояса металлическую грубую палку. Под тремя недоуменными девичьими взглядами он несколько смутился, но его прервал Мэни.

- Мы здесь гуляли как-то и нашли это, - он раздвинул перед нами кусты и там оказалась дверь. Деревянная, но явно сделанная на века, а на ней висел амбарный замок. Как-то непрактично для тюрьмы... но все же. Факт оставался фактом. - Там явно сохранились нижние этажи, где сами темницы-то были. Наверху в основном стража была и жилые помещения, а внизу содержались пленники. Мы обошли все, там вниз нигде спуска нет, и нигде даже трещины вниз нет. Так что мы решили сходить сюда с вами и показать это.

Это хотя бы немного объясняет, зачем его друг тащил тяжеленую металлическую палку все это время.

- Вау... - Лорейн была воодушевлена, Марианна явно сомневалась, а я? Я хотела дико спать,

поэтому я снова зевнула. По-моему, все женщины с именем Лорейн несколько того...

- И что мы там забыли?

- Эйни, ты не понимаешь, как это здорово заглянуть туда, там же никто ещё не бывал до нас.

- Ну хорошо, допустим, - я сложила руки на груди, - тогда давайте просто туда спустимся и все, пойдём обратно. Я хочу домой уже...

- Да ладно тебе, - Марианн похоже тоже решила заразиться общим безумием, - не переживай, мы не так уж надолго ушли из города.

- Если тётушка Лорейн узнает, мне не поздоровиться.

- Она же добрая. - Как-то не особенно уверенно проговорил Мэни, виновато глядя на меня.

- Добрая то добрая, но обмана не потерпит, может и рассердиться.

Я замолчала, закрывая тему, остальные, впрочем, не горели желанием развивать тему тётушки Лорейн. Её в городе не слишком любили, и даже побаивались, и меня тоже первое время. Странная приезжая решившая поселиться у не менее странной старушенции.

- Я предлагаю тянуть спички, - Лорейн выхватила коробок спичек у Мэни, который доставал из своей котомки припасы, как то: свечи, те самые спички, верёвку и... хлеб?

- Зачем?

- Ну как же, тот, кому выпадет короткая и идёт туда, - Лорейн обвела нас всех торжествующим зелёным взглядом. - Страшно?

Парни сразу приосанились и нахмурились, всем своим видом показывая, что им не страшно, я развела руками выказывая, что мне в принципе все равно, что они собираются делать, а Марианна и так похоже была за.

- Итак, - отобрав пять спичек Лорейн зажала их в аккуратном кулачке, - тянем.

Я вытянула спичку, подавив особенно ужасный зевок. Нет, все, надо заканчивать читать все ночи напролёт. Я взглянула на спичку, от неё вверх по руке пошёл страх и холод, волосы на всём теле казалось встали дыбом.

Короткая.

- Могу я не участвовать? - жалобно уточнила я под взглядами притихших друзей.

- Ты согласилась, - было видно, что Лорейн жалко меня, но все же она не сдавала позиций. Я обречённо вздохнула. Сон, только несколько минут назад терзавший меня и заставлявший меня зевать не переставая, сейчас растворился в никуда.

Мэни сжал мою руку, проходя мимо и отобрав у друга металлическую палку, пошёл ко входу. Некоторое время кряхтя и помогая друг другу, парни пытались отколупать дверь и, наконец, она сдалась, разрушив призрачную надежду на то, что они просто не смогут открыть дверь. Однако она все же сдалась, и я смогла увидеть чёрный провал внутрь и несколько первых степеней уходящих вниз и перила.

- Держи.

Мне дали зажжённую свечу и проводили к выходу.

- Если что - кричи.

Я кивнула, растерянно и испуганно оглядев напоследок лица друзей, и внутренне уговаривая себя. Там просто пустые камеры и все, от меня требуется просто походить там некоторое время и все. Можно будет вернуться обратно. Совсем не обязательно ходить даже далеко. Мне стало немного легче от таких увещеваний, и я стала спускаться по лестнице. Она была каменной и добротной, а перила холодными. Впрочем, как и воздух в подземелье. Он был спёртым, пахло пылью и старостью, и было так промозгло, словно я ночью пошла куда-то в низину.

Изо рта вылетал пар, свеча выхватывала из темноты всего пару шагов вперёд и совсем немного по бокам. Отойдя немного от входа, я стала чувствовать страх, будто бы кто-то смотрел мне в спину, я оборачивалась, расплёскивая воск свечи и вглядываясь в пустые открытые камеры и снова мне мерещилось, что опасность сзади, и все повторялось. Сердце гулко колотилось в груди, пока я неловко пробиралась по прямому коридору. По бокам от меня шли все также пустые камеры, всё было так однообразно, что я уже почти перестала бояться, когда вдруг коридор разветвился. Я посмотрела направо и налево, пытаюсь выбрать куда бы пойти. И решив пойти сначала направо, бодро шагнула туда, однако пройдя совсем немного, я наткнулась на тупик. Потоптавшись в нерешительности пару минут, я развернулась и пошла обратно. В голове мелькнула мысль, что стоит вернуться уже. Ведь все равно здесь ничего уже интересного нет. Но любопытство, проклёвывающееся сквозь страх, предложило мысль получше - сходить ещё и налево, а потом уже с чистой совестью вернуться обратно. Вещь если тюрьму троили симметрично, то скорее всего тот коридор тоже кончится тупиком и можно будет идти домой.

Я быстро зашагала в нужный мне поворот, боясь передумать. Я шагала быстро-быстро, едва ли не бегом, все ожидая, что вот-вот выглянет тот самый тупичок, который и будет моим спасением. Но вот я прошла ещё немного и ещё, я уже понимала, что иду гораздо дальше, чем в предыдущем ответвлении. Стало тревожно, неужели все-таки не симметрично? Мой шаг замедлился, я с опаской оглядывала тюремные камеры. Там иногда попадались разные вещи. В одной я видела кандалы, а ещё в одной глиняный кувшин.

Ещё 10 шагов и все я возвращаюсь, уговаривала я себя. Ещё 10 и не больше. Нечего приличным девочкам ходить по таким местам. Я нахмурилась и отсчитывала шаги. Но уже на пятом впереди из темноты показалась стена. Я облегчённо выдохнула. Я подошла к этой стене и коснулась её холодной кладки пальцами. Кладка была немного влажной. Тупик, ну наконец-то можно идти. Я обернулась, вглядываясь в одну из камер, а потом во вторую. Там я увидела кое-что и, вскрикнув, шарахнулась назад. Воск плеснул на руку и обжёг пальцы. Я с замиранием следила за тем, как пламя свечи выравнивается и начинает снова гореть ровно. Я даже не могла сказать, чего я испугалась больше темноты или того что мне померещилось в ней сейчас.

Я подняла свечу повыше и сделала пару шагов к камере напротив меня. Из темноты шаг за шагом выхватывались решётки, открытая дверь, странного цвета пол, такого насыщенного багрового оттенка, а затем дальняя стена и.... тело? Да, всего лишь мёртвое тело, убеждённо проговорила я про себя. Надо бояться не мёртвых а живых... а он здесь давно.. очень давно...

Я тихо вошла в камеру, поражаясь собственной смелости. Я подняла свечу, оглядываясь и,

наконец, подошла к телу. Мужчина, определённо, мужчина. Старик точнее. Седые волосы пучками, кожа словно пергамент, высохшая и облепившая кости. Кожа и кости - все, что осталось от этого человека. Странно, что нигде нет прорывов, подумалось мне, пока я разглядывала тело. Оно было расплостёрто на стене и приковано четырьмя металлическими кольцами, вбитыми прямо в стену. Бедняга... за что его, такого старика, так мучать.

Меня вдруг обуяло странное чувство, и я коснулась его лица, плотно обтянутого кожей, оно было сухим и гладким. Мне хотелось сказать ему «покойся с миром здесь» или что-то вроде того, что говорят давно усопшим людям. Но я не успела ничего произнести, потому что его глаза открылись. Медленно и верно, и подслеповатые глаза впились в меня взглядом. Свой крик я словно слышала со стороны.

Свеча упала на пол и затухла, когда я врезалась в решётку и побежала по коридору. Сердце стучало как сумасшедшее, и мне казалось, что кто-то гонится за мной. Я неслась, иногда проверяя рукой стену слева от себя, чтобы не пропустить поворот и, вот наконец, почувствовав пустоту под пальцами, я свернула направо и ещё быстрее помчалась, видя провал двери впереди. Спотыкнувшись на ступеньках, я, подхватив юбки вылетела на божий свет.

Обведя глазами друзей, я наконец смогла облегчённо расплакаться. Понимая, что все-таки на поверхности, а не в этом ужасном подземелье...

Меня успокаивали долгие полчаса, пока я рассказывала, что видела. Мэни был озадачен и порывался сходить туда, но я настояла на том, чтобы меня отвели домой. Уже спускаясь с гор и слушая их весёлую болтовню, которая изредка прерывалась, чтобы попытаться убедить меня, что мне все померещилось, я думала о том, что все что там было, сейчас казалось страшным сном, который кончился. Потому что мертвецы ну конечно же не открывают глаза и не смотрят на живых девочек. Меня пробил озноб, и я поёжилась, Мэни, заметив это, молча снял свой плащ и протянул мне. Я с удовольствием закуталась в его плащ, тёплый от его тела. Я молчала всю дорогу до города и дома, открыв рот только, чтобы попрощаться с девочками и Мартином. Мэни решил проводить меня до дома. Стоя под дверью, я сняла его плащ и отдала ему.

- Прости, что так получилось... я не должен был допускать того, чтобы ты пошла одна туда... это была плохая идея. Прости меня...

- Не стоит винить себя в этом.

Я улыбнулась ему и зашла в дом.

Перед глазами стояло лицо этого измождённого мужчины снова. Еда не лезла в горло, застревая в гортани и делая еду горькой и невкусной. Тётушка Лорейн ничего не сказала, глядя на то, как я ковыряюсь в еде, а потом, совсем уж отказавшись, уйду к себе в комнату. Я надеялась сразу лечь спать, чтобы избавиться от него хотя бы во снах, призраком поселившегося в моей голове, но мне не удавалось даже прикрыть глаза, чтобы не видеть этих цепей и этого лица. Мне казалось, что он обязательно страдает, мучается, а я нахожусь здесь, лёжа в прекрасной кровати, у меня полно еды и воды, а он там подвергается жутким страданиям десятки лет, а может сотни! Но люди столько не живут... я сама видела, что замок был ржавым и пыли много везде, вряд ли туда спускались люди до этого времени. А значит все это время он просто был там. Но как? Как можно выжить даже пару лет или год без еды и воды, припечатанным к стене?

Я встала с кровати и, вздохнув, заходила ко комнате, раздумывая. Меня мучила совет и вина,

мне хотелось помочь ему облегчить его страдания, но также я боялась, что моя помощь может выйти мне боком и я буду помогать страшному преступнику, который совершил множество страшных преступлений, за которые его, конечно же, заключили в эту темницу и подвергли таким серьёзным наказаниям.

- Эйна, ванна свободна! - Раздалось снизу, я вышла из комнаты, распуская волосы по пути. Ванна должна меня спасти, определённо. В ванной было сыро и влажно, но тепло, я окунулась в это тепло, оставляя мысли о тёмном подzemелье за дверью. Я погрузилась в нагретую воду, вкусно пахнущую цветами и травами, сполоснула волосы и, расслабившись, задремала.

Когда я вышла из ванной, моя голова была чиста и светла, настроение было прекрасным, я старалась не допускать мысли о темноте и том мужчине в свою голову. Однако у судьбы были явно другие планы.

- Эйна... - тихий голос тёти Лорейн окликнул меня, когда я уже хотела подняться к себе, завернувшись в тёплый и длинный халат.

- Да, тётушка? - Я прошла к ней в комнату и стала наблюдать, как она расчёсывает свои длинные влажные волосы. Она прервалась и, отложив деревянный гребень, поманила меня к себе. Её комната была прекрасной, все было подобрано по цвету, стилю и форме, а потому здесь было очень уютно. Мне нравилось садиться на эту большую кровать, застеленную прекрасным покрывалом с вышивкой, смотреть на эти картины, эти трюмо и шкаф. Добрые глаза тёти Лорейн были встревожены. Она погладила меня по волосам, и взяла меня за подбородок.

- Дорогая моя девочка, я не знаю, что происходит в твоей голове, но мне кажется сейчас ты пытаешься прийти к какому-то решению. Тише, не стоит мне ничего говорить, ты должна сделать выбор сама. Но он должен быть от сердца, а не от разума. Хорошо?

Я кивнула, ошарашенно смотря на неё. Кажется, не зря некоторые женщины на рынке не слишком одобряли её, называя её за глаза ведьмой. Словно чувствует, что происходит у меня в душе... Но это был очень верный совет, тот самый, который мне и нужен был. Я должна делать то, что велит мне сердце, а иначе я могу ошибиться и очень серьёзно. Я пришла к решению даже быстрее, чем дошла до своей комнаты и легла на кровать, чтобы мгновенно заснуть.

Часть 2.

На утро я проснулась очень и очень не выспавшейся, завтрак был готов, и тётушка Лорейн уже суетилась на выходе, поправляя шляпку и шаль на плечах. Пожелав мне доброго утра и подмигнув, словно девчонка, она вышла за дверь. Завтрак я съела наполовину, а остальное отложила в корзинку. Туда же я положила кувшин молока и хлеба. И села ждать. Прошло совсем немного времени и раздался стук в дверь, я набросила на плечи халат и, страшно зевая, поплелась к двери. Там стояла Марианн. Увидев меня, она всплеснула руками и едва не выполнила корзинку.

- Эйна! Богиня с тобой! Что случилось?

- Я так не выспалась... Чувствую себя просто ужасно... Скажи, что я заболела и приду завтра. Прошу тебя, Марианн.

Она с обеспокоенностью взглянула на меня, но кивнула. Её всегда было легко склонить к подобному.

- Хорошо. Выспись, дорогая, а то выглядишь совсем плохо...

Я кисло и устало улыбнулась. Поцеловав меня в щеку, она застучала каблуками дальше. Проследив из окна, что подруга ушла достаточно далеко, я скинула халат, под которым у меня было уже приготовлено платье. Немного подумав, я сунула фонарь, лучину и спички в корзину, получилось довольно тяжеловато для меня, но тем не менее я накрыла корзинку платком и отправилась к подземелью.

Дорога была сложной и трудной, но меня грела мысль о том, что я, возможно, спасу человека. Мне нравилась эта мысль, она придавала мне сил. К полудню я добралась до входа в подземелье. Дверь была приоткрыта, также как мы и бросили её тогда, убегая. Я присела, отдыхая и не желая признавать, что боюсь спускаться туда снова. Меня взбудрила мысль, что я не могу просто так взять и уйти, проделав такой долгий путь.

Я медленно зажгла фонарь и сделала шаг внутрь, вдыхая затхлый запах. В этот раз мне казалось было ещё страшнее идти по этим коридорам, которые я узнавала и шла уже знакомой дорогой, на перекрёстке я свернула налево. Я долго стояла, понимая, что следующая камера та самая и что, возможно, свет фонаря все равно выдал меня. Я проскользнула внутрь также, как и тогда, но сейчас старательно не смотря на стену. Я положила корзинку на скамью, стоящую рядом и поставила фонарь. Он ровно освещал стены камеры и пол, оглянулась и увидела на полу странно поблёскивающим багряным светом сломанную свечу и разлитый воск. Я подняла свечу и положила в корзинку. И только потом подошла к старику и подняла на него глаза. Он подслеповато глядел со стены на меня. Я рассматривала его и его кандалы, раздумывая. Даже если я захочу, я не смогу разбить эти цепи, но покормить его - вполне.

- Вы хотите пить? - Вдруг спросила я, и глаза старика немигающее смотревшие на меня моргнули. Он ответил мне! Я кинулась к корзинке и, распахнув её, достала кувшин с молоком, однако нерешительно замерла, боясь разомкнуть сухие челюсти и сломать их. Мне пришлось отставить кувшин и медленно раздвинуть сухие губы, под которыми виднелись пожелтевшие, но вполне целые зубы с на удивление острыми клыками. Подняв кувшин, я влила немного молока. Я ожидала, что молоко выльется откуда-нибудь. Может все-таки меня мучают странные видения, и я ошиблась? Но нет, молоко нигде не выливалось. Я отставила кувшин и, размочив в нём немного хлебного мякиша покормила его. Он молчал и только смотрел на меня странным, едва видящим взглядом. Только слепые имеют такие прозрачно белёсые глаза... значит, он не мог меня видеть. Не мог. Услышал, значит. Я слышала, что слепые имеют отличный слух. Так, покормив его, я больше не знала, что сделать. Я просто погладила старика по щеке и, собрав корзинку, собиралась уйти.

- Я приду завтра. - Тихо пообещала я.

Странное обещание, думала я, идя по коридорам, которые уже не пугали меня. Зачем я сказала это? Неужели я считаю, что обязана теперь его кормить и поить каждый день? Кроме того факта, что это очень далеко: практически час пешим ходом за город и это, не считая того, что я живу на совершенно другой стороне города. Куда я ввязалась?..

Фонарь освещал гораздо больше пространства, чем та свеча, и я шла, разглядывая без тени опаски, камеры. Пустые, как и тогда. Ни скелета, ничего. Странно все это. Оставили всего одного заключённого, ещё и старика, а всех остальных забрали? Очень странно. Впрочем, возможно, они посчитали, что он уже умер. Подходя уже к выходу, я вдруг что-то заметила справа от лестницы, ведущей к выходу. Я поставила корзинку на первую ступеньку, а сама, подняв фонарь повыше, внимательно осмотрела стену. Обычная кладка, ничего не обычного,

но вот стоит отойти... я сделала пару шагов назад, мне мерещилась дверь. Если это дверь, как же её открывали? Я ощупала кладку со всех сторон, проведя по стене пальцами. А потом с удивлением обнаружила что из-под этой двери на полу лежит верёвка. Я присела, чиркнув платьем по полу и, поморщившись от осознания, что-либо придётся завести себе новое платье для походов сюда, либо каждый день заниматься стиркой, потому что забраться на гору и спуститься в подземелье невозможно без того, чтобы не испачкать подол платья. Да так, что не скроешь. Верёвку я потянула на себя, плотно лежит. Застряла? Или так и надо? Или может не в ту сторону? Хм... я упёрлась в дверь плечом и как ни странно она поддалась. Я подналегла ещё сильнее, и дверь сдвинулась внутрь, обнажив ржавые петли с противным скрипом.

Я подняла фонарь и вошла внутрь, выхватывая из темноты узкий коридор. Зайдя внутрь, я с опаской оглянулась на дверь. Эта странная конструкция с закрыванием и открыванием двери верёвкой не вызвала у меня доверия, и остаться запертой тут мне не хотелось. Я пожалала плечами, дивясь сообразительности тех, кто строил это подземелье, надо же было так придумать. Я продолжила поход. Вскоре коридор расширился и стали появляться камеры. Их было меньше, чем в основном коридоре. Некоторые были распахнуты настежь, а некоторые заперты на амбарные замки. Я дошла до конца коридора и почти прошла ту самую камеру. Ту единственную не пустую камеру. Если бы не кукла, валяющаяся на полу, я бы ни за что не заметила в такой полутьме её. Я подошла ближе и с удивлением поняла, что дверь ничем не заперта, свет фонарь выхватил из тьмы искажённое и высохшее лицо женщины. Её платье, как и волосы хорошо сохранились, но она была мертва, не как тот старик, тут нельзя было ошибиться: у неё высохла кожа рук и провалились глаза. Я отвела взгляд... в этом подземелье царит смерть, что я тут делаю? У неё были светлые волосы, заплетённые в косу и украшенные камнями и цепочками, золотистая ткань платья где-то истлела, но все равно она выглядела благородно и... печально. Она сидела, прислонившись к стене, её голова была задрана вверх, словно она что-то искала взглядом на потолке. О чём она думала перед смертью? Кто она такая? Почему здесь?

В её руках что-то было, пересилив отвращение я сделала ещё шаг и присела на корточки, но тут же отшатнулась, сдерживая слёзы... ну конечно, кукла... это ребёнок, девочка. Наверное, это её дочь... Кто? Кто мог так поступить? Посадить ребёнка в подземелье? И зачем?.. Я присела рядом с куклой и подобрала её. Ткань была пыльной и истлевшей, но фарфоровое лицо прекрасно сохранилось.

Покойтесь с миром... я ушла, роняя слёзы на платье. Вернулась домой утомившейся и печальной, и очень расстроенной тем фактом, что не могу рассказать это всё тёте Лорейн и попросить у неё совета. Она наверняка подсказала бы мне, как поступить правильно. А так она сразу скажет, что все это ужасно плохая идея... Я вздохнула. В своей комнате, я достала куклу, найденную в подземелье, пригладила ей волосы и осторожно положила в коробку с другими игрушками, найденными мною на чердаке. Иногда я доставала пару таких найдёнышей и восстанавливала их, а потом отдавала их соседским ребятишкам. Они были в восторге от таких игрушек.

Часть 3.

Шли дни. Чтобы успевать все, мне приходилось приходить к старику поздно ночью, когда тётушка Лорейн уже спала. Я спускалась на первый этаж и там, сподобившись, вылезала из окна и шла в горы с фонарём, а потом также обратно. Из-за этого я сильно не высыпалась и постоянно зевала, где бы я не находилась. Тётушка Лорейн считала, что я читаю ночами любовные романы и часто журила меня за завтраком, видя, как я снова сцеживаю зевки в кулак. Однажды она рассердилась и попыталась подсыпать мне сонной травы - дело кончилось плохо. Как выяснилось, что у меня на неё аллергия, а потому мне было ужасно плохо и было

сложно дышать. К утру мне стало легче, и когда тётушка Лорейн ушла на рынок, я отправилась в горы, хотя из-за болезни дорога казалась мне раза в два длиннее. Я и сама не понимала, отчего я так поступаю, ведь он точно не умрёт от того, что я его один день не покормлю. Он там сколько лет провисел на стене? Но всё равно продолжала упорно ходить туда ночами. Мэни качал головой, поддерживая меня на уроках, где у нас были совмещённые занятия, и помогал мне с домашней работой. Он был так мил и обходителен со мною, не давал мне засыпать на уроках, смешил и иногда очень осторожно как бы невзначай брал меня за руку. Мы встречались с ним глазами, и я всегда первая отводила взгляд, не зная, как ответить на его чувства.

Перед сном, я лежала на кровати и думала об этом старике. Освободить я его не могла. Я пробовала разбить оковы прутом, который валялся неподалёку, видимо, тот самый, что оставили Мартин и Мэни, но я лишь натёрла им руки. Говорить кому-либо о нем мне хотелось. Слишком много вопросов... да и к тому же раз это тюрьма - он преступник. Даже если прошло столько времени. Они не смогут просто так взять и отпустить его.

Последние несколько дней шёл дождь, сильно похолодало и, кажется, я простыла. В первый день мне было так плохо, что мне пришлось звать тётушку Лорейн, чтобы она помогла мне спуститься вниз, весь день она обхаживала меня и не было и речи о том, чтобы можно было ускользнуть из-под её опеки и выйти из дома. Правда из-за неё же мне стало гораздо легче уже на следующий день и тётушка Лорейн спокойно отправилась на рынок, видя, что я могу спокойно дышать и даже сплю без кошмаров. Однако стоило ей уйти, я все же решилась на вылазку в горы. Правда пройдя до середины пути, я изрядно пожалела об этом. Голова кружилась, в глазах темнело, но я, преодолевая себя, спустилась в прохладу подземелья и как ни странно там, где было влажно и холодно, мне сразу стало лучше, чем на улице под ярким солнышком Нуарии. Я практически кулём свалилась на скамейку и тяжело дышала.

- Прости, что не пришла вчера... я заболела... - И к чему эти извинения? Я поморщилась, мой голос был каркающим и совсем не похожим на мой обычный милый и мелодичный голосок. Его глаза следили за мной, хотя я была уверена, что он не видит меня. Когда я махала перед его лицом руками, он даже не замечал этого.

У меня с собой были фрукты, молоко и травяной настой, который я ежедневно скармливала ему, чтобы его силы восстановились быстрее. Настой был разработан лично мной, и опробован на нескольких людях и прекрасно справлялся с любой усталостью и болезнью. Сейчас я и сама глотнула его, чувствуя, как тепло растекается по внутренностям. Также я достала хлеб и мясо. Нарезая все удобными кубиками, я заметила, как дрожат мои руки, и вздохнула. Все-таки это была плохая идея. А он совсем не выглядит умирающим, чтобы я с температурой бежала сюда. Впрочем, я отдавала себе отчёт, что скорее всего делала это, чтобы потешить собственное самолюбие. Посмотрите на меня, я спасаю человека и жертвую ему себя. Вряд ли кто-то оценит эту жертву, в том числе и тот, кого я спасаю, потому что вряд ли он осознает даже её. Я снова вздохнула.

Осторожно я складывала ему в рот кусочки еды, приговаривая разные вещи или песенки словно с маленьким. И все больше поражалась тому насколько хорошо сохранились его зубы, такие молодые, я бы сказала, и очень красивые. Особенно пугающими выглядели клыки. И я старалась осторожнее быть с ними, но с моим состоянием сегодня и с туманом в голове не мудрено, что я пропустила тот момент, когда сама же скомандовала «кусай» и совершенно запамятовала, что не убрала ещё свои пальцы, держащие хлеб с мясом. Боль обожгла палец, я резко дёрнула руку обратно и с ужасом осмотрела след от клыка и ровную бороздку от него же. Кровь никак не останавливалась, надо было чем-то её остановить... Пока я доставала

салфетку и обматывала им мой палец, что было непросто из-за катившихся градом слез, старик вдруг задёргался в странных конвульсиях. Я замерла, в неярком свете фонаря пытаюсь понять, что с ним. Он словно пытался что-то сказать и одновременно выгибался дугой, натягивая кандалы. Мне стало страшно. Страшно и от того, что происходило и от того, что все равно помочь не могу, и от собственной боли в пальце, так странно пульсирующей. Вдруг старик втянул воздух в себя, и я услышала, что он что-то пробормотал, но вот что я не расслышала.

- Что?.. - Мой голос звучал тихим блеяньем...

- Кровь... - более ясно повторил он. И мне стало по-настоящему страшно. Он не человек - пронеслась мысль в голове, у него есть клыки и вообще... В этот же миг с громким скрежетом вдруг оторвался от стены один из кандалов, затем с таким же напряжением - второй. Сердце учащённо бухало в груди, а туман в голове мешал нормально думать. Потом сквозь него вдруг яснее проступила паника, и я, придерживая юбки, помчалась на выход. Коридор мне был знаком, однако меня всё равно преследовало чувство дежавю, как в тот раз, когда я также мчалась ко коридорам, только тогда я просто испугалась живого мертвеца, а сейчас этот мертвец шипел за моей спиной и гремел оторванными кандалами. Страх вовсе не предавал мне сил, в глазах темнело, а ноги заплетались и путались в юбках. Я бежала до тех пор, пока не поняла, что поворота нет и я, скорее всего, его пропустила. И, значит, впереди лишь тупик и за мной ЭТО...

От осознания всей отчаянности моего положения я споткнулась и с грохотом упала на пол. Болью сначала обожглись колени, затем локти и ладони, сильнее разболелся укушенный палец, казалось бы, утихший уже. Я прислушалась. Было тихо, я почти уверилась, что он не найдёт меня, а потом замораживая кровь в моих жилах, раздалось где-то прямо надо мной:

- Кроооовь...

Надо упасть в обморок, чтобы ничего не чувствовать, мелькнуло в голове, и я зажмурилась и погрузилась в спасительную тьму.

Пришла в себя я, как мне казалось всего через пару минут, села на кровати и попыталась потрясти головой, чтобы прояснить путанные мысли, но тут же застонала и отказалась от этой идеи. Голова гудела словно гигантский колокол, да ещё так сильно, что на глаза навернулись слезы. Я посмотрела на дверь в свою комнату, потом обвела её озадаченным взглядом. Комнату? Мою комнату? Я, изумлённо распахнув глаза, всматривалась в детали и не понимала, как тут оказалась? Я не помню дороги обратно. Совсем не помню. Может я дошла и потеряла память? Или я никуда не ходила? Может это мой кошмар был?

Я встала с кровати и тут же облокотилась на стену, меня замутило. Тошнота подкатила к горлу, и я, преодолевая боль в голове и слабость в теле, поплелась в ванную. Меня стошнило, и я с отвращением подумала, что я, наверное, просто очаровательно сейчас выгляжу. Настоящая леди. Меня стошнило повторно. Я присела на пол, и мир перестал так сумасшедше вращаться. Во рту был дурной привкус, а ещё я различила сквозь общую какофонию недомоганий настоящую боль в левой руке. Так и не припомнив обо что я могла удариться по пути, я потянулась к пуговке на манжете, она была расстёгнута, закатала рукав. Там красовались два синюшных пятна, почти слившихся воедино. Посередине каждого была крошечная точка с запечённой кровью. Все это дело напоминало укусы и выглядело очень жутко. Внизу послышались шаги, это была тётушка Лорейн. Я быстро застегнула манжету и встретила её таким же тревожным взглядом, как и она меня.

- Дитя моё, ты в порядке? Твоё платье! Ты куда-то ходила?

Я оглядела себя. Платье было в пыли, ладони грязные. Значит все-таки мне не приснилось всё это безумие в подземелье. Тогда как?..

- Я не помню... - Тихо и почти честно ответила я. Некоторое время тётушка Лорейн смотрела на меня, затем попыталась поднять меня с пола.

- Ты вся горишь, - качая головой проговорила тётушка, проводя меня в постель. - Ложись, я сейчас принесу лекарства...

Пока она ходила за травами и порошками, я быстро перевязала руку обрезком ткани и переделалась в ночное платье с длинным рукавом. Палец решила тоже забинтовать, про него я тоже сказала, что не помню, где порезалась, а вот с укусом это точно бы не прошло. К тому времени, когда тётушка поднялась ко мне, жар так овладел мною, что я с трудом осознавала, где я и кто я. Болезнь с новой силой овладела мною.

Часть 4.

Я лежала на кровати, рассматривая потолок и приходя в себя, по словам тётушки я проспала целые сутки, ко мне заходил Мэни и Лорейн, а утром вот Марианна. Они принесли мне цветов и вкусностей. Настоящие друзья. Мысль о них заставила меня слабо улыбнуться. Я чувствовала себя очень подавленной и уставшей несмотря на многочасовой сон. Рука также ныла, но разворачивать повязку не хотелось, да и сил не было. В голове вяло, будто в густой похлёбке мешались мысли. О старике, который оказался каким-то странным кусачим существом, о тюрьме, о подземелье, о той женщине с ребёнком и их кукле, что лежала в темнице.

Кукла? Да, кажется, я помню что-то такое. Я села на кровати, придерживая голову и прислушиваясь к общему состоянию организма. Затем я медленно слезла с кровати и присела перед ней. Там под кроватью стояла корзина с теми самыми игрушками. Кукла лежала сверху. Я взяла её в руки и села на кровать, рассматривая.

Она была довольно большой с локоть в высоту и очень старой. Потёртое и выцветшее платье, волосы некогда светлые сваялись и потемнели, и лицо осталось чистым и нетронутым: все также розовели щёчки и широко смотрели на меня нарисованные голубые глаза, слишком большие для такого маленького личика. Я рассматривала куклу, поглаживая её по волосы, раздумывая, что вот перешью ей платье, сделаю волосы другие и будет просто красавица. Только ребятишкам не отдам её, поставлю на каминную полку тётушки Лорейн, я думаю ей должно понравиться такое. Я так увлеклась собственными мыслями, что не заметила, как в коридоре прозвучали шаги и дверь открылась. Я растерянно посмотрела на тётушку Лорейн. Она же смотрела только на куклу. Сначала она просто изумлённо взирала на неё, а потом её глаза наполнились такой болью и слезами, что я вскочила и испуганно поддержала её под руку.

- Тётушка!

- Тома... - Это был полустон-полувсхлип, я усадила тётушку на кровать и подняла куклу, упавшую, когда я вскочила.

- О чем вы, тётушка Лорейн.

- Так звали эту куклу... - Она взяла куклу в свои руки и погладила, как и я несколько минут назад, ту по волосам. - Прошло столько лет... Откуда ты её взяла?

- Мы ходили туда с ребятами, и они туда заходили и нашли в одной камер. - Начала оправдываться, уже предчувствуя выговор и укоризненные взгляды, но тётушка Лорейн сегодня почти не слушала меня.

Дальше я не стала распространяться, где конкретно, как и кто нашёл эту игрушку и решила, что лучше стоит перевести тему, пока моя история, шитая белыми нитками, не станет очевидной ложью в глазах тётушки Лорейн.

- Вы сказали её звали Тома, вы видели её раньше? Эту игрушку?

На эти слова тётушка усмехнулась и, развернув куклу, начала снимать с её фарфорового тельца одежду. Я оживлённо следила за её движениями, а потом она показала мне спинку куклы. Сначала я ничего не понимала, но потом вгляделась в буквы на фарфоре. От «Лорейн для любимой Мары». Я изумлённо вскинула взгляд на тётушку.

- Да. Именно так. Мара - имя моей сёстры. Моей маленькой глупой младшей сёстры. Наш отец делал таких кукол очень давно, и он сделал эту куклу по моему заказу для неё. И долгое, очень долгое время эта кукла просидела на каминной полке бездумно глядя на нас. Но потом родилась она, Милана, и дала этой кукле новую жизнь. Милана была моей единственной и любимой племянницей и последней обладательницей данной куклы. Я не видела ни её, ни этой куклы с тех пор как...

По щекам тётушки Лорейн потекли слёзы. Я, спохватившись, налила чай который стоял в заварник на столе, рядом с моей кроватью. Она с благодарностью кивнула мне, и, утирая слёзы, продолжила, хотя её голос и дрожал все сильнее.

- Это произошло много лет назад... Мы с моей сестрой жили в этом городе на самой окраине и никого не трогали. Наши родители остались жить совсем в другом месте, и мы начинали свою взрослую жизнь сами. Я училась, а Мара как раз собиралась начать обучаться. И вот к нам в город приехал один мужчина и долгое время о нем ходили только слухи, и никто не видел его. Он был красив, говорили, а ещё очень богат. - Тётушка отпила из кружки чая, задумалась на секунду о чём-то и продолжила. - Он появился на одной из наших светских раутов и очаровал всех. Кроме меня. - Горькая усмешка. - Он был красив, даже слишком, слащав и избалован вниманием. Девушки обожают таких. Мара же тогда поссорилась с юношей, который собирался сделать ей предложение, и она была в ужасно расстроенных чувствах. И вот тогда-то он и зацепил её сердца. А она его нет... Он не любил её!

Воскликнула в сердцах тётушка. Я вздрогнула от этого вскрика, покрывшись мурашками по всему телу. Это была столько горькая история...

- Не любил, я знала тогда, но сестра меня не слушала, как безумная бросилась в него, согласилась на брак с ним. Вскоре у них родилась девочка. Милана. Ну точная копия матери. Однако он охладил к ней почти сразу после рождения, редко появлялся дома и потом, в городе вечно где-то бродил, пил и гулял. А она говорила, что это все из-за неё и ходила за ним по пятам и все прощала ему. Милана была такой маленькой и чудной девочкой, ласковой и нежной, ей было всего четыре, когда все случилось... - Снова пауза, делавшая весь рассказ каким-то очень печальным и весомым, столько лет прошло, а боль все та же для тётушки Лорейн. - Он уехал по делам, а в городе появились толки на счёт него и его порядочности, его обвинили в что-то там уже не помню, но решили, что стоит его припугнуть и арестовали всего не пару дней мою сестру. С ребёнком! Додумались же! Думали, он примчится, мерзавец, вылезает из своей норы и сможет пролить свет на все это. Но он не появился... А Милане хватило всего пары дней, чтобы заболеть и скончаться.

В комнате повисла тишина, по моим щекам бежали слёзы, но история не кончилась на этом.

- Они не выпустили её, сказали, что это пройдёт само, а потом было уже было поздно...

От того, как тётушка произнесла это, по телу поползли мурашки. Холодно. Безразлично.

- А после смерти дочери Мара словно сошла с ума... Отказалась выходить оттуда, все просила прощения у кого-то, перестала есть и пить...

В комнате стало тихо. Я поёжилась. Какая ужасная история... Я шмыгнула носом.

- А он?

- А он больше никогда не появлялся в этом городе и его так и нашли.

- О боже... - Вырвалось у меня против воли.

- Да, это ужасная история. Ты её видела?

- Кого?

- Милану? И Мару?

- Я? Ннет, что вы... Я туда не заходила, там так страшно.

- Вот как...

Тётушка тяжело встала и вышла, унеся куклу и все её одёжки с собой. Я осталась сидеть на кровати и прокручивать историю в своей голове, пытаюсь осознать все это. Мне не верилось что то место хранило такую ужасную тайну этой семьи. Интересно, когда какая тайна хранится за этим человеком? Я вздрогнула, раны занули. И эта женщина в той дальней камере, с дочерью. Это наверняка она - Мара с маленькой четырёхлетней Миланой. Кто прав в этой истории, кто виноват? А ведь сколько их погибших, пропавших в этой тюрьме за все годы, что она существовала? Сколько историй, таких же печальных и ужасных сокрыто от глаз. Над каждой, мне кажется можно плакать и плакать, и слёз не хватит искупить боль людей, потерявших кого-то.

Часть 5.

Пару недель спустя, когда я совсем окрепла и мне захотелось выбраться прогуляться, тётушка милостиво разрешила мне это, при условии, что моим спутником в данной прогулке станет Мэни. Что ж... Мне пришлось согласиться на это, вот и всё.

Мы шли сквозь ряды лавок, слушая, что вот у этой женщины самые вкусные яблоки, у этого торговца самая свежая рыба и так далее. Я наслаждалась прогулкой, чувствуя себя просто прекрасно и дыша полной грудью, в теле после болезни осталась слабость и всё. И это так радовало меня.

- У тебя отличное настроение сегодня, - тихо отметил Мэни, я улыбнулась ему, кивая. Это была чистая правда.

Стояла прекрасная осенняя погода, светило солнце, ещё по-летнему тёплое, дул прохладный ветерок, а улицы были уже украшены начавшими желтеть деревьями. Мы гуляли по рынку, по парку, сходили к реке и насладились видом на весь город с ближайшей видовой площадки. Уже

заканчивая прогулку и подходя к дому, я заметила, что Мэни стал мрачнее тучи, он был рассеян немного и не смотрел на меня, что-то сбивчиво отвечая на мои реплики. Мы остановились, и я тревожно заглянула ему в лицо.

- В чем дело, Мэни? На тебе нет лица... что случилось?

- Всего нет... просто... - Он опустил свои голубые глаза долу и смотрел на свои руки пару минут, затем резко выпрямился, напугав меня, и решительно произнёс. - Я должен тебя спросить, Эйни.

- Да...

- Ты станешь моей женой?

Так вот что его тревожило... я вздохнула, отводя глаза. Этого я и боялась. Предложение... ну что ему ответить сейчас? Я снова вздохнула.

- Мэни, - его лицо стало совсем несчастным, - мне нужно время чтобы подумать, хорошо?

- Конечно...

- Это очень важно для меня, и я должна все взвесить прежде чем ответить.

Мои оправдания звучали жалко... весьма, но кажется, его и правда приободрило это. Я сняла перчатку и сжала его локоть, вынуждая продолжить путь. Буквально через пару шагов нас остановил мужской голос:

- Подождите!

Мы с Мэни остановились, оборачиваясь, несколько пар, прогуливающихся также в этот момент с нами рядом, также обернулись. К нам подошёл высокий и красивый молодой мужчина, его темно-зелёные, очень глубокие глаза словно улыбались вместе с тонкими губами, когда он поклонился нам и протянул перчатку. Моя перчатку.

- Кажется, вы обронили это, прекрасная незнакомка.

- О, спасибо... - только и смогла произнести я, забирая перчатку и восхищённо оглядывая его. Очень изящные черты лица, это первое, что я отметила, глубокие глаза, в которые так и хочется заглянуть и какая-то насмешливая улыбка, словно их обладатель знал что-то такое, что всем остальным было неизвестно. И тёмные волнистые волосы не такие короткие, как у Мэни и остальных мужчин в городе, даже длиннее, чем положено по моде. И как ни странно одет с иголки, но при этом костюм не мешковат, словно его сшили на заказ, и этот платок, красиво завязан, умело.

Мужчина блеснул глазами и произнёс тягучим бархатным баритоном:

- Могу я поцеловать вашу руку?

Я смутилась, чувствуя, как начинают гореть щеки, сначала было хотела протянуть правую, но вспомнила, что на ней все ещё повязка от укуса, который за столько дней лишь уменьшился, но все ещё болел. Поэтому протянула левую руку, другой сильно сжимая от волнения перчатки. Его губы были горячими. Такими, что хотелось зажмуриться. Однако я выстояла, мило улыбнувшись мужчине и мягко забрала руку, когда поцелуй затянулся.

Удивительно что он незнаком мне... ведь город у нас небольшой, о таком красивом и наверняка богатом, да и в придачу молодом, мужчине уже ходили бы толки.

- Благодарим вас, но нам пора. Идём, Эйни.

Мэни потянул меня дальше по дорожке, я покосилась на него. На его лице отражалось недовольство. Незнакомец ещё раз улыбнулся мне напоследок и с поклоном зашагал проч. Его улыбка словно что-то всколыхнула во мне, словно я где-то видела её уже прежде, однако я тут же отмела эту мысль, я бы запомнила такого красавца, определённо. Меня интересовало: кто он? И какая муха укусила Мэни? Впрочем, он ответил нам мой произнесённый вопрос сам:

- Не люблю таких как он... Франтов.

Я ответила ему что-то невнятное, но настроение было испорчено, остаток пути до дома мы провели в молчании, которые мне не хотелось нарушать, и на все попытки Мэни заговорить или пошутить, я отмалчивалась, ссылаясь на усталость и головную боль. Едва за ним захлопнулась дверь, я облегчённо выдохнула и, стянув шляпку, отправилась наверх. Тётушка махнула мне из кухни, когда я проходила мимо, я также махнула ей. Там, в своей комнате, я села на кровать и собиралась как раз обдумать предложение Мэни, как вдруг услышала внизу какой-то шум... Меня это очень напугало, ведь с тётушкой могло стать плохо. Подхватив юбки, я буквально сбежала как детстве по ступенькам, перепрыгивая через две, а то и через три ступеньки.

- Тётушка!..

Внизу я замерла как вкопанная, продолжая сжимать юбки в руках и оторопело взирая на сцену в прихожей.

Дверь была распахнута, и в ней стоял наш недавний незнакомец с зелёными глазами, его лицо было сердито, а на щеке красовался красный отпечаток, словно от пощёчины. Напротив, привалившись к стене с побелевшим лицом и схватившись за сердце, стояла тётушка Лорейн. Сцена была мне непонятна, но оттого не менее ужасна.

- Тётушка? - Наконец, разжимая руки и высвобождая юбки уточнила я, чтобы уже точно понять стоит ли мне тоже хвататься за сердце и пугаться или все же обойтись простым обмороком.

- Милана? - Уточнил у меня с подозрительным лицом мужчина. - Ты сильно изменилась...

- Милана? - Удивлённо вторила ему я? Что он тут забыл вообще? И спрашивает про Милану?.. Племянницу тётушки? Ту самую? Что происходит?..

- Убирайся из этого дома.

- Лорейн, а ты постарела, смотрю, а ума так и не набралась, - ответил довольно невежливо незваный гость, заставив меня ахнуть от таких слов. Как он может?

- Уходи. - Твёрдо произнесла тётушка Лорейн, отходя от стены и надвигаясь на мужчину с грозой на лице. - Уходи из моего дома и никогда не появляйся на этом пороге.

- Начнём с того, что здравствуй. Я тоже рад тебя видеть, Лорейн. И да, это мой дом. Я его купил и подарил вам с сестрой.

Я замерла как вкопанная. Вам с сестрой? Подарил? Его дом? Что? Что происходит? Вопросы множились в голове с невероятной скоростью.

- Кстати, где она? Где моя жена и дочь?

Вот тут, на этой фразе, я почувствовала, как мурашки пробуждаются и бегут от самых пяток к макушке. Даже тогда, в подземелье, наверное, я не испытывала такого суеверного ужаса. Вот и правда не стоит бояться мёртвых, лежат себе в гробу и никого не трогают. А тут... живой мертвец стоит. История тётушки Лорейн произвела на меня впечатление, но, наверное, до конца я всё-таки в неё не верила, воспринимала, как сказку на ночь, ужасную и страшную, но все же сказку. К тому же сколько лет это было назад? Если тётушка говорила про те времена, когда она была молода и жила тут с сестрой, значит, это было очень давно. Очень-очень давно. Тётушка Лорейн состарилась и в её волосах вьётся седина, а он и тогда по её рассказам уже был мужчиной. А сейчас стоит молод и прекрасен... как будто шагнул из прошлого. Поймите, он не знает, что жена и дочь мертвы?..

- Где Мара и Милана?

Его глаза словно полыхнули зелёным огнём и вперились в тётушку Лорейн, я вздрогнула вместе с ней, но лишь на секунду, потом она, топнув ногой, взорвалась праведным гневом. Все сомнения, что этот самый мужчина - муж Мары покинули меня, но я все не могла понять: как? Как он оказался тут? Так молод и ничего не знает?

- Как ты смеешь упоминать их имена всеу? Ты, что послужил их смертью, да так что до сих пор их тела не упокоены как положено!

Я обратила внимание на лицо мужчины. Оно вдруг словно стало старше на несколько лет, взгляд стал рассеянным и печальным. Я уверена, такое не изобразишь на публику, даже при желании. Он оперся на косяк и лишь тихо переспросил:

- Но как же?..

Но уже в следующую минуту он был полон ярости:

- Ты лжёшь, женщина!

Однако он всё же прервался, увидев слезы на щеках тётушки.

- Уходи, Арман. Вон!

Она буквально вытолкала его за дверь, растерянного и бледного, с потерянным зелёным взглядом, захлопнула дверь, закрыла все замки, включая цепочку и защёлку, и только тогда посмотрела на меня. Я всё также стояла, сердце гулко стучало в груди. Несколько минут мы просто стояли и смотрели друг на друга, затем тётушка тихо проговорила:

- Иди в свою комнату, Эйни. Иди...

Я отмерла после этих слов и на ватных ногах поднялась вверх, прислушиваясь сначала к её шагам по лестнице, к тому как хлопнула дверь и затем к едва слышимым рыданиям, разносящимся по дому. Спуститься и утешить её я не рискнула, наверное, ей стоит побыть сейчас одной. Там, в комнате, я все также растерянно посмотрела на себя в зеркало.

Что это было?..

Часть 6.

Мы просидели каждая в своей комнате до самого вечера, оттуда нас выгнал стук в дверь. Я спустилась на голос тётушки.

- Это тебе, Эйни. - Тётушка выглядела хоть и немного обеспокоенной, но вполне посвежевшей.

Я посмотрела на её с удивлением и, наконец, обратила внимание на рыжеволосого юношу в дверях, он был одет по-рабочему и мягко поклонился мне с лёгкой деткой улыбкой на губах. Ещё совсем ребёнок. В руках юноша держал огромную корзину с белыми цветами. Их было так много, что не было даже просветов. Я озадаченно смотрел на корзину:

- Мне? Вы уверены, тётушка?

- Сама спроси, - пожав плечами, тётушка Лорейн весьма довольная прошла на кухню, я проводила её взглядом, а затем все также озадаченно посмотрела на юношу.

- Вы Эйни? - Я кивнула. - Могу я занести цветы?

Я посторонилась, пропуская его, юноша прошёл в коридор и осторожно водрузил корзину на стул, стоявший около стены. Корзина была просто огромной, и аромат цветов сразу заполнил весь коридор... ммм, какой приятный запах.

- Это тоже вам. - Юноша, ухмыльнувшись, достал из-за пазухи листок бумаги, сложенный вчетверо и передал мне, и уже собирался уйти, когда на самом крыльце я остановила его:

- От кого эти цветы, скажите?

Он лишь пожал плечами и ушёл дальше по дороге. А я так и осталась смотреть ему вслед и сжимать записку. Ах, да, записка... Я закрыла дверь и быстро развернула её.

«Дорогая, Эйни, я знаю, что наше знакомство не было приятным, как и вся эта сцена в доме, но мне жизненно необходимо с вами поговорить. Не могли бы встретиться со мной завтра в полдень в Южном парке. Арман»

- Так от кого это?

Я быстро сложила записку и сунула в рукав, когда услышала сзади шаги тётушки.

- Наверное, от Мэни. Я почти уверена в этом.

Я вздохнула и изобразила озадаченность на лице, взирая на цветы. Зачем такой большой букет? Да уж... Вранье получилось так себе, Мэни был из не очень обеспеченной семьи и вряд ли мог себе позволить покупать девушку целую корзину цветов. Да и к тому же он был слишком разумен для этого, не стал бы тратить день на «ерунду». Хоть мне и непонятно зачем такой щедрый подарок, но все же очень приятно, что он такой большой и только мне. Я улыбнулась, трогая пальцами тонкие лепестки.

- Ох, этот Мэни, - тётушка Лорейн вытерла руки полотенцем и вдохнула аромат, на её лице отразилось блаженство. - Давно бы сделал уже тебе предложение.

Я испуганно уставилась на тётушку и даже одёрнула руку от цветов. И она туда же? Сговорились что ли?

- Ну а что? Видно же, что парень мается без тебя, а так...

Я отвела глаза и вздохнула. Было бы всё так просто... как будто, это чихнуть, а не замуж выйти. Все так говорят, словно это так легко! Словно это не на всю жизнь. А ведь это же очень важно выбрать мужчину, с которым ты будешь до самой смерти. Готова ли я быть с Мэни все эти годы?... Я покачала головой. Я не знала.

- Уже сделал, значит? Отказала ему?

Тётушка как обычно всё прочитала на моём лице, однако в её голосе я услышала осуждение.

- Вовсе нет. Я сказала, что подумаю.

- Если сказала подумаешь, значит, ответ точно будет не положительным. Думаю, ответ ты уже и так знаешь, просто не хочешь ему говорить, - она погладила меня по голове и снова ушла на кухню. - Зря ты... такой хороший парень.

Неужели так и есть? Я так боюсь расстроить его, отказать ему? Потому что у него такие большие и всегда грустные глаза? Потому что я и правда вижу, как ему печально от того, что я не обращаю на него внимания? Ох, как же это сложно!

Я застонала, подымаясь наверх. От всех этих мыслей пропал аппетит. Мало мне Мэни на мою девичью голову, так и ещё Арман этот... я зажмурилась на кровати. Арман... это имя ему и правда подходит идеально. И эти глаза... зачем ему нужно поговорить? И именно со мной? Чего же он хочет на самом деле? Может он поделиться со мной своей тайной? Как оставаться долго молодым и счастливым? Я фыркнула. Молодым и красивым, скорее. Счастливым он вряд ли был. А может и был, кто его знает...

Нет-нет, никого Армана. Я должна обдумать предложение Мэни. Прямо сейчас. Я встала с кровати и нервно заходила по комнате, шурша юбками и перекатывая разные мысли и идеи в голове.

Он и правда очень хороший парень, из приятной работающей семьи, обижать он меня точно не будет, любить будет, заботиться, как и всегда. Я смогу заниматься травничеством и воспитывать дома детишек, а он будет кормить семью. Я зажмурилась и потрясла головой, когда внутри всё предательски сжалось на мысль о том, как будут происходить эти самые «детишки». С Мэни?... нееееет... Не думать об этом. На чем я остановилась? Ах, да. Мэни хороший и работающий парень, который меня любит, а это главное. Значит я точно буду с ним в порядке. Он не станет причинять мне боль или заводить любовницу, не тронет меня. И семья у него очень приличная. Два старших брата, мама - очень добрая женщина, славный, хоть и несколько резкий отец. Да, наша семья тогда будет не слишком богатой, небольшой заработок, маленький домик. Но и замуж то надо выходить не за кошелёк. Возможно, придётся жить с его родителями. Вряд ли тётушка Лорейн разрешит жить у неё.

А может всё-таки не стоит соглашаться? Это, конечно, лучший расклад, чем если бы я была влюблена в него, а он в меня нет. Но самым идеальным было бы, если бы я тоже была влюблена в него. Ведь замуж надо выходить по любви? Так ведь всегда в романах, разве нет? Я остановилась посреди комнаты и, прижав руки к груди, прислушалась. Сердце молчало, Мэни ни капельки не трогал его. Я вздохнула, продолжая ход по комнате.

Какие у меня шансы, бедной девушки из другого города выйти замуж? Если так судить, то давно я уже должна быть замужем, а здесь вариантов не так много. Есть и хуже, и страшные, и горбатые, даже если из обеспеченных семей. А Мэни приятен на лицо, даже, наверное, я могла

бы полюбить его...

Я вздохнула. Это было слишком словно, слишком много противоречий рвало мои мысли на части. Я упала на кровать, прикрывая глаза. Все. Никаких мыслей.

Часть 7.

За ужином тётушка избегала разговора об Армане и всем том, что произошла в коридоре, я не настаивала, лишь сообщив, что пойду завтра прогуляюсь с Марианн в полдень. Тётушка обмана не заподозрила. Несмотря на веселье и шутки, царившие за столом, иногда я видела, как она замирала, глядя в окно или на стол, думала о чём-то и в этот момент её лицо омрачалось. Видимо, как и у меня, всё это не шло из головы.

До полудня я едва дотерпела, так мне хотелось побыстрее оказаться в парке и поговорить с Арманом, хотя уже будучи на полпути к парку, я почти передумала, потому что мне вдруг показалось ужасно подозрительным, что он пригласил меня на прогулку тет-а-тет. Моё сердце стучало как сумасшедшее, когда я стояла у входа в парк и сжимала в рука зонтик с такой силой, что немели пальцы. Погода была на удивление тёплой, ещё теплее, чем вчера, было так хорошо, словно снова на улице царил лето. Когда церковные колокола зазвонили, передо мной словно черт из табакерки появился Арман. Видимо я была настолько в своих мыслях, что пропустила тот момент, когда он подошёл ближе. Я вздрогнула и от колоколов, и от его появления, и едва не выронила зонтик.

- Добрый день, - он поклонился и мягко улыбнулся мне, я присела в книксене и протянула ему руку.

Я была так напряжена и взволнована этой встречей, а ещё тем как на нас обращали внимания, что дышала через раз. Думаю, мы неплохо смотрелись вместе, и эти мысли заставляли меня краснеть. О чём я думаю?.. ох... Зачем я пришла сюда?.. люди смотрят... Вдруг я встречу знакомых, а я иду с незнакомым мужчиной по парку? Пойдут слухи... а если узнает Мэни? А девочки? А тётушка? Она его сразу опознает, это точно...

- Боюсь, если тётушка узнает, она не одобрит этого, - тихим и дрожащим голосом сообщила я. Арман улыбнулся мне и мягким жестом пригласил присесть. Я села и сложила зонтик. Солнце сразу стало слепить глаза, но так было удобнее. Мужчина сел я рядом, но на приличном расстоянии от меня. Меня это порадовало, мне не хотелось бы чтобы наша прогулка нарушала правила приличия.

- Я не думаю, что она узнает, если только один из нас не расскажет ей. Я не стану.

Он снова обезоруживающе улыбнулся, я не сдержалась и улыбнулась ему в ответ, чувствуя, как постепенно уходит напряжение и волнение.

- Я тоже не стану. Мне не хочется с ней ссориться.

- Вы, Эйни, называете Лорейн «тётушкой»? Вы родственники?

- Нет-нет, - я покачала головой, этот вопрос мне в городе задавали часто, так что я привыкла к нему. - Когда я приехала сюда в этот город, поступать в Школу Травниц, мне негде было жить, а у тётушки Лорейн была свободная комната, так мы и познакомились. И она сама просит так её называть. Её все так называют в городе.

- Вот как... - Арман задумался. - Я прошу прощения, что я попросил вас прийти сюда, но я бы

хотел знать правду. Если конечно она вам известна...

- Ничего страшного. И спасибо за цветы, они были очень красивы. О чём вы хотели спросить? О вашей жене и дочке?

- Всегда пожалуйста для столько прекрасной дамы, - я смутилась, отводя глаза. - Не только. Вы сами видели сколько злости и гнева была в Лорейн, а ведь я даже не ведаю причин.

- Насколько мне известно, - я скрыла улыбку в кулаке, - это ещё с первого дня вашего знакомства.

Я ожидала, что Арман может обидится на этот мой неуместный смешок, но он рассмеялся:

- Это да. Рассказывала она вам причину её недовольства по отношению ко мне?

- Боюсь, что нет.

- В нашу первую встречу я был так неуклюж и неосторожен, что наступил ей на ногу, а после опрокинул на её прекрасное карамельное платье бокал с красным вином. А потому Лорейн пришлось весь вечер щеголять в испачканном платье. Признаюсь, она едва не разорвала меня из-за этого платья.

Причина была столь жизненной и столь нелепой, что я тоже рассмеялась. Сколько их таких же нелепых юношей, которых ненавидят женщины за отдавленные ноги, испачканное платье и порванный подол. Даже на моей памяти была пара таких, при чём одни из них был пожилым мужчиной в военной форме. Он так загляделся на чьё-то декольте, что едва совсем не оторвал мне юбку.

Когда мы отсмеялись, и Арман обратил на меня свой взор зелёных глаз, я сказала:

- По счастью, тётушка рассказала мне историю своей сестры, - я повысила голос, видя, что он хочет вставить что-то, - Однако я хотела бы вас предупредить от вмешательства в мой рассказ и обвинений, это лишь её воспоминания и её мнение. Вы можете знать одни и те же факты по-разному.

Арман медленно вздохнул и кивнул, я продолжила:

- Тётушка сказала, что, когда они жили тут с сестрой Марой, в городе появился мужчина, который вскоре стал мужем Мары. - Я говорила медленно с выражением, внимательно следя за лицом мужчины, который смотрел на проходящих мимо людей, пролетавших мимо птиц и просто в никуда. - У них родилась дочь - Милана. Позже этот муж пропал, а Мару с дочерью арестовали и посадили в тюрьму, чтобы... выманить её мужа. Заставит его прийти к ним.

Он кивал, соглашаясь с моими словами.

- Однако, маленькая Милана заболела и умерла в тюрьме, а её мама... повредила рассудком и не захотела покидать стен тюрьмы. И тоже погибла там. О её муже так и не было ничего известно.

Арман спрятал лицо в ладони и судорожно втянул воздух.

- Но как же так? Я ведь пришёл к ним... но все равно опоздал.

Когда он снова выпрямился его лицо было серо, неужели тётушка ошибалась?

- Вы так расстроены этим... - Ответила ему я, он повернулся ко мне, и я вздрогнула от этих глаз, полыхнувших на меня зелёным огнём:

- А как же? У меня погибли дочь и жена!

- Простите, просто тётушка говорила, что вы не любили их... потому для меня удивительно это. Наверное, она ошибалась...

Арман горько усмехнулся. Качая головой.

- Любил... или нет. Какая разница теперь уж. Я пытался, по крайней мере. Видимо, у меня плохо получалось. Хорошо, тогда вот моя история.

Он облокотился на спинку скамейки, прикрыл глаза и, помолчав с минуту, начал рассказ:

- Все это правда, я встретил Мару на вечере, такую лёгкую и весёлую. Я влюбился в неё с первого взгляда, а она в меня, сыграли свадьбу и жить нам долго и счастливо, как вдруг... - Его голос дрогнул, я сжала перчатки. - В первую брачную ночь, она сообщила мне, что не любит меня, что она ждёт ребёнка от другого мужчины, того, что не стал её женихом.

Я охнула и прижала ладонь ко рту. Ужас... позор! Она была не замужем, ждала ребёнка от человека, который отчего-то не стал её мужем, а потом просто взяла и вышла замуж за первого встречного, только ради самого замужества. Только так можно было бы скрыть всё это.

- Я был потрясён, и моя влюблённость растаяла в ту же ночь. Я ушёл из спальни и больше никогда туда не возвращался. Родилась Милана, я старался заботиться о ней, как о своей дочери, любил её. Она была такой славной девочкой... Но Мара... она винила себя во всем этом, но никогда не любила меня. В её сердце был только один человек - настоящий отец Миланы. Мне были не рады в собственном доме. - Он горько усмехнулся.

Мы молчали. Мне было больно слушать это, вряд ли тётушка Лорейн знала это, ведь она любила свою сестру, и никогда бы не заподозрила, что и она могла быть такой жестокой по отношению к своему мужу.

- Когда мне пришло известие, что их арестовали, я сразу приехал туда, даже не заехал домой. Сразу в тюрьму, просил, умолял их отпустить, Милана была ещё совсем малышкой, а у Мары хрупкое здоровье. Они арестовали меня, и сказали, что в эту же минуту отпустят их. Я поверил им...

- Я думаю, они так бы и сделали... просто так сложилось.

- Да...

Что-то тревожное было в его словах, что-то не так, я пыталась вслушаться, понять, что же это царапнуло мои мысли? Что? Но никак не могла уловить эту мысль, она ускользала словно мокрая рыба. А после и вовсе скрылась с глаз.

- Это очень грустная история... - Вздохнув, сообщила я Арману, - Грустная, не только оттого, что все уже случилось, но и от того, что как бы мы с вами не хотели, вряд ли тётушка Лорейн поверит нам. Она бывает...

Я задумалась, пытаюсь подобрать слова, чтобы описать это её качество.

- Упряма?

- И это тоже. Но, скорее, она слишком консервативна. Её трудно в чём-то сдвинуть с её точки зрения.

Арман улыбнулся мне, слабо, но уже не так печально, как раньше. Возможно, рассказав эту историю, ему стало легче. Он поделился, теперь он был не один. И теперь я тоже знаю, что он любил их, заботился о них как мог, а главное, он не бросал их. Так что гнев тётушки совершенно необъективен.

- Ты ведь ещё не замужем, верно?

Я насторожилась. Я не любила обсуждать эту тему даже с подругами, а тем более с посторонними. А уж учитывая предложение Мэни...

- Так и есть.

- Могу я дать тебе совет, прежде, чем я провожу тебя домой? – Я кивнула, подымаясь со скамьи и протягивая ему руку, он тоже встал. – Не выходи замуж по принуждению, только потому что это кому-то надо. Ты возненавидишь этого человека, что разделит с тобой это, и твой брак превратится в ад. Лучше выйти замуж последней, но зато по сердцу, оно никогда не ошибается.

- Вы говорите, как тётушка Лорейн, - я усмехнулась, раскрывая зонтик и, отмечая, что с Арманом приятно гулять. От него словно веяло какой-то странной уверенностью и спокойствием. Никуда не хотелось торопиться, лишь жить и дышать полной грудью.

- Ну если мы оба так говорим, значит есть в этом какой-то смысл? Вы не находите, Эйни?

Я улыбнулась ему, чувствуя, как внутри сжимает сердце ледяной страх. Моё сердце знало совершенно точно, что надо ответить на предложение Мэни. Всегда знало. Но не хотело называть это ответом. Мне так не хотелось причинять ему боль.

Мы болтали до самого дома о чем-то неважном и весёлом. Он поцеловал на прощанье мою руку и растворился на улице. Я, счастливо улыбаясь, переуступила порог дома, и начала снимать шляпку, напевая что-то под нос. В этот момент я увидела напряжённое лицо тётушки Лорейн. Она стояла на ступеньках лестницы, сжимая перила, поэтому я не сразу её заметила и испуганно охнула, увидев.

- Вы напугали меня, тётушка.

Я повесила зонтик на вешалку и улыбнулась ей.

- Не совершай ошибок моей сестры, Эйни.

Её голос напряжённо звенел, когда она произносила эти слова, в них звучал боль и обида. О нет, кажется она увидела нас. Как неосмотрительно было разрешать ему проводить меня... и тогда она наверняка поняла, что я соврала ей про прогулку с Мариэнн. И все это выглядит так неприятно... что же мне сказать ей? Как оправдаться?

- Тётушка Лорейн... - начала было я, но она, не слушая меня, громко протопала наверх и там

громко хлопнула дверью своей комнаты. Затем также громко в тишине дома раздался щелчок замка. Она никогда не закрывается на замок. Неужели она так сильно обиделась из-за моей прогулки с Арманом... Она же всё неправильно поняла. И ведь не станет слушать. Что ж... придётся подождать пока она остынет.

Часть 8.

Однако все оказалось не так просто, как я ожидала... мне казалось, тётушка сердится, что вполне было очевидно и причины были вполне ясны, но не совсем поняла в тот момент насколько она сердится.

Весь следующий день меня игнорировали. Я злилась. Это было каким-то ребячеством, и я никак не ожидала этого от взрослой, умудрённой опытом женщины. Каждый раз, когда я подходила к ней и начинала заводить разговор о произошедшем, она просто уходила в другую комнату или отворачивалась.

И вот по истечению всего это нервного дня, я сидела в своей комнате и тихо злилась, не понимая, как можно быть такой... да, Арман прав, упрямой. По-другому тут и не скажешь. Резко встав с кровати, я отправилась на кухню, решив, раз и навсегда разобраться со всем этим.

- Тётя! - Я закрыла на кухню дверь, тётушка Лорейн вздрогнула и сделала вид, что не заметила меня, продолжая что-то перемешивать в миске. Я решительно подошла к ней и усадила её на стул, отбирая миску. - Нам надо поговорить. Сейчас!

Когда она попыталась встать, я снова усадила её и встала рядом, словно надзиратель.

- Я не выпущу вас отсюда, пока вы не выслушаете меня.

- Эйни, ты упряма!

- А вы нет?

Тётушка Лорейн поджала губы и сложила руки на груди. Её брови были нахмурены и весь её вид показывал, как она недовольна происходящем.

- О чём же ты хотела поговорить?

- Об Армане, это очевидно.

- Я не хочу о нем говорить.

- Хорошо, - недоверчивый взгляд в мою сторону, - я поговорю о нем сама, а вы послушаете. Вы можете сколько угодно обижаться на меня за эту встречу с ним, но он очень хотел выяснить, что произошло с его женой и дочерью.

Тётушка Лорейн тихо фыркнула. Ох, как же это будет непросто...

- Да, и я рассказала ему все, что вы поведали мне, а он мне рассказал свою версию событий.

- И конечно же она не совпала с моей... - Она покачала головой. - Ты слишком доверчива, моя дорогая. Тебе не стоило ему верить.

- Вы ошибаетесь, тётя. - С нажимом ответила ей я и даже притопнула от переизбытка эмоций. Ну как она не понимает! - Он рассказал мне тоже самое, за исключением двух вещей.

Тётушка Лорейн снова покачала головой и повернулась ко мне вполборота, всё такая же нахмуренная и сердитая, однако мне показалось в её глазах мелькнуло... сомнение?

- Хорошо, я слушаю тебя.

Я присела на соседний стул, видя, что тётушка не собирается никуда от меня убежать, и я могу расслабиться.

- Первая вещь - это что ваша сестра не была влюблена в Армана... Она... Она вышла за него замуж, потому что была беременна от своего жениха уже... И ей просто нужно было скрыть этот факт.

Лицо тётушки потемнело, она сгорбилась. Я замолчала, не зная, стоит ли говорить что-то ещё, но никакой реакции не последовало, и я продолжила:

- Милана не дочь Армана. Но он любил её и заботился о них обоих, однако это признание в первую брачную ночь разбило ему сердце. И Мара... она всегда любила только своего жениха, не Армана, и ненавидела за это своего мужа.

Я замолчала, внимательно следя за лицом тётушки Лорейн. Некоторое время мы сидели в молчании, лишь из окна доносилось лошадиное ржание и цокот копыт. Наконец, тётя подняла на меня задумчивые глаза:

- Это многое объясняет. Когда Лоуренс расстался с Марой, мне казалось это нелепым и странным, ведь они так хотели этой свадьбы. Тогда же она бросилась искать нового жениха, буквально висла на них. Мне казалось, она просто хочет заглушить душевную боль, но видно нет... Она перестала меня пускать к себе в комнату и слуг тоже, старалась одеваться всегда сама... ох, как я была глупа и совсем этого не понимала... - Тихий вздох разнёсся по кухне. - Впрочем, это же объясняет, что она так быстро согласилась на предложение Армана, и так поторапливала свадьбу. Хотя странно, что Арман не расторгнул брак, все узнав о ребёнке...

- Возможно ему помешали чувства к Маре.

- Ты в это веришь?

- Я верю, что даже если они и были, после такого призвания их почти не осталось.

Снова вздох.

- А вторая вещь?

- А вторая вещь - это то, что он пришёл к ним на помощь, он вернулся за ними. Его арестовали и хотели отпустить и Мару, и Милану, но было слишком поздно... Милана тогда уже была... А Мара...

Я так и замолчала, не в силах это произнести, я ожидала, что тётушка снова поверит мне, уже мысленно ликуя своей победе, однако все пошло не так.

- Если в первое я готова поверить, но это... это просто нелепо! Это ложь. Если бы все было, как ты сказала, то он должен был до сих валяться в этой чёртовой тюрьме!

- Что?

Услышав это, я обомлела, сердце приостановилось, и я широко широко распахнула глаза. О чём она говорит?

- Ты просто не знаешь, что он такое... Если бы он сдался тогда, то капитан Джамильтон сделал бы так, как я ему говорила: обескровил это чудовище и повесил там умирать на долгие сотни лет в кандалах. И висел бы он там до тех пор, пока кто-нибудь не накормил бы его кровью.

Внутри словно все оборвалось и резко встало на свои места. Все этим перемешанные события, словно мозаика, разбросанная в беспорядке, сложились в картину.

- Тётя... - Мой голос был тих и хрипл. - Вы ужасны! Ка вы могли... вы! Вы!

Я подскочила со стула и с отчаяньем хлопнула ладонью по столу, по руке стрельнуло болью, сначала в палец, почти заживший, потом в укус. Я сдержала своё айканье, гневно уставившись на тётю.

- Это вы чудовище!

- Он погубил мою сестру и племянницу.

- Нет, это она сама себя погубила и свою дочь тоже. А вы ей помогли. Это ведь вы да, посоветовали капитану арестовать его.

Она замолчала, но её лицо потемнело ещё сильнее... это была правда.

- Он же... он же...

- Он чудовище, не надо его жалеть.

- Единственное чудовище тут вы.

Я топнула ногой и вышла их кухни. Мысли путались, мне просто необходимо было поговорить с Арманом. Но где его искать? Говорил ли он где остановился? Где живёт? Мы ведь даже не договаривались с ним о встрече... как же теперь его искать. О, боже, это он... это был определённо он... о, тётя Лорейн, как вы могли. Вы погубили их всех.

Я метнулась в свою комнату и начала натягивать плащ, на улице будто бы моросил дождь. Где же мои перчатки? Я ходила по комнате, раздумывая, куда же идти, где его искать? Перчатки были найдены на столе. Я одела их и, поправив шляпку, вышла в коридор. Тётушка Лорейн перегородила мне вход, расставив руки и ноги. Я сурово оглядела её.

- Отойдите.

- Нет, ты пойдёшь к нему. И он тебя погубит.

- Не стоит обо мне печься. - Я рукой отодвинула её с дороги. - Я сама с этим разберусь.

Я подхватила зонт и, открыв его, вышла на улицу.

Часть 9.

Гостиница? Паб? Таверна? Где его искать? А может... его старый дом? Наверное, он живёт в

нем. Как жаль, что я не спросила его об этом, когда мы так замечательно болтали. Под ногами шлёпали лужи, когда я переходила на другую сторону дороги и зябко ёжилась в плаще. Все это было так... грустно, печально, нелепо. И совершенно не имело никакой связи с реальностью. Что он такое? Может тётушка Лорейн была права? Но ведь он не нападал на меня, верно? Не хотел мне зла? Ну как сказать... тогда в темнице он был стариком, и он напал. Но ему требовалась кровь.

Арман, да где же вас искать!

Я остановилась около входа в Южный парк и тоскливо заглянула внутрь. Из-за мороси аллеи были пусты. Лишь кто-то, сгорбившись сидел на одной из скамеек. Кто этот бедняга? Он совсем без зонта... любопытство пересило меня, и я решила, что под видом простой прогулки по парку, смогу посмотреть на него поближе, может человеку нужна помощь? Я пошла по другой аллее, собираясь на обратном пути пройти мимо странного человека, мокнущего под моросью осеннего дня. Я торопилась, и пару раз моя нога едва не угодила в лужу. Но вот я подошла ближе и с удивлением обнаружила там... Армана. Того самого, что я собиралась искать. Неужели судьба благоволит мне? Но что он тут делает? И все ли с ним в порядке?

- Арман!

Он разогнулся и встретился со мной потухшими зелёными глазами. Его лицо было задумчивым и мокрым, как и волосы и костюм. Меня охватил страх и тревога за него. Что случилось у него, что у него такой взгляд?

- Вы совсем промокли! Что вы тут делаете?

И дождь, словно ожидавший от меня этих слов, начал лить стеной. Я стояла, чувствуя, что зонт не слишком меня спасает от этого потока воды, на намочает плащ и платье под ним. А Арман просто сидел и смотрел на меня, вызывая глухое раздражение своим бездействием. Но потом, спохватившись, он подскочил на месте.

- Эйни! Идёмте, это же ливень!

Да неужели? В голове глухое раздражение смешивалось с тревогой за рассудок, и эта нерасторопность... Он схватил меня своей мокрой рукой и потащил к выходу из парка. Я сначала сопротивлялась, а потом смирилась. Какой же он странный, сначала сидел сам под дождём, а теперь вот меня из-под него вытаскивает. Я вздохнула, подхватывая юбки и идя за ним, вряд ли это сильно спасёт платье, но хоть что-то. Когда мы забежали, как и ещё несколько других людей, попавших под этот ливень, в ближайший кафетерий, я с спросила, наконец, у Армана, который отряхивал мокрые блестящие волосы, а потом ловко причесал их рукой. С них стекала вода, но выглядел он лучше, чем тогда на скамейке.

- Что вы там делали? В парке?

- Думал, - просто ответил мне мужчина. Он думал? Под дождём? Как вообще можно думать, когда холодно и зябко, так ведь и простынь недолго... хотя... вдруг такие как он, не болеют? Такие как он? А какой он? Кто он?

- Вы ведь знали, да?

Тихо спросила я, усаживаясь на деревянный стул и расправляя складки влажного и тяжёлого платья, Арман сел напротив. На мгновение он взглянул мне в лицо и снова занялся изучением обстановки:

- О чём?

Я смутилась. Может я ошибаюсь? Может это вовсе не он? Он сочтёт меня сумасшедшей...

- Вы знали, что это была я, там в темнице?..

Повисла пауза, она была заполнена гулом кафетерия, шумом и голосами. Арман молчал.

- Я искала вас... - Я снова вздохнула, решив не беречь это. Слишком уж щекотливая тема получалась... А я ужасно не любила такие темы. Хотя это было и основное, зачем я его искала.

- Я все рассказала тёти Лорейн, и она... - Я поморщилась, мне было неприятно вспоминать все, что мы говорили и как себя вели...

- Она не поверила?

- Поверила лишь частично...

Рассказать ему о том, что именно она виновата в том, что он была там? В этой тюрьме все эти одинокие и скучные годы. Не думаю, что ему там было хорошо...

- Она просто опасалась вас, и была несколько резка...

- Называла опять меня чудовищем?

На его губах была странная улыбка, я вздрогнула. Он так спокойно об этом говорит, словно в этом нет ничего необычного, и все так его называют. Может я чего-то не понимаю? Отчего всё так странно?

- Не стесняйтесь и не выгораживайте её, Эйни. Я знаю, как она ко мне относится... Она не любит не только и не столько меня, сколько ты мою суть. То, кем я являюсь.

- Это она подсказала арестовать вас...

Я сложила руки на столе и не смела поднять глаз на Армана. Он помолчал, а потом все сказал:

- Я догадывался...

- А кем вы являетесь, Арман? Кем?

- Это разговор не такого месте. Идёмте.

Арман снова встал, и я удивлённо за ним. В этот момент удивлённый официант с меню притормозил, видя, что гости, так и не сделав заказ, собираются уходить. Я присела в книксене и извинилась. Как неловко получилось... Куда же мы пойдём обсуждать это? Арман взял меня под руку, и мы снова вышли на улицу, однако там уже не было ливня и даже не было мороси, видимо на сегодня с дождём было покончено. Мы молчали и продвигали по улице, словно странная пара вышедшая в такую погоду на прогулку. В голове снова мелькали удивительные мысли. Не съест ли меня, в прямом смысле этого слова, он? Не убьёт ли? Не нападёт? Куда он меня ведёт? И последняя самая постыдная на мой счёт мысль: как красиво мы смотримся вместе? И как я хотела бы иметь такого мужа. Красивого и благородного. Впрочем, его кусачесть несколько омрачала эти мысли. Думая об этом, я вздыхала украдкой и отводила глаза.

Мы подошли к гостинице «Жемчужина» и, минуя портье, поднялись по лестнице. Всё-таки он

был в гостинице... что ж, если бы я не нашла его в парке тогда, у меня были все шансы найти его тут. Мы подошли к номеру 16, и Арман вставил ключ. Стоит ли мне заходить туда? Нарушаю ли я правила приличия, заходя с ним в этот номер? Не омрачит ли это мою репутацию? Все это пронеслось перед глазами, и я зашла в номер. Там было полутёмно, и я замерла на месте, не решаясь сделать шаг, пока Арман не зажжёт светильники.

Номер был простым. Очень. Я ожидала какой-то роскоши, непомерной вычурности, но нет. Просто кровать, письменный стол со стулом, дверь в ванную. Ещё один стул у стены и тумбочки.

- Садитесь.

Мне придвинули стул, забрали зонт и помогли снять плащ. Шляпку я сняла сама и держала теперь её в руках. Что дальше, Арман? Сам мужчина присел на кровать и поднял на меня зелёные глаза. Его лицо было красивым и таким задумчивым.

- Что именно ты хочешь знать?

Я прикинула в голове список вопросов. Ну вообще не так уж много, но на всякий случай скажем:

- Много чего.

- Приступай, - он улыбнулся мне. У него была тёплая и дружелюбная улыбка и эти пугающе красивые зубы, острые клыки.

- Это правда были вы? Это вы меня тогда укусили?

Тяжкий вздох, он опустил глаза.

- Да, простите. Я не хотел этого, но я был заточен там многие годы, и моё тело как бы... выжидало. Когда ко мне попала кровь, я просто... озверел. Она мне была нужна, и я не был деликатен. Простите.

- Хорошо... почему тётя называет вас чудовищем? Кто вы?

- Она так называет потому ей так нравится, и она считает кощунственным пить чужую кровь.

На вопрос кто он, он так не ответил, отметила я, но решила не замечать этого.

- Вам и правда это так необходимо? То есть, то что я вас кормила обычной едой - это вам не помогало?

Кажется, в моем голосе прозвучала совершенно детская обида. Все мои страдания и старания были впустую.

- Да, мне это необходимо для поддержания жизни. Я могу есть обычную пищу, она вкусна, но не приносит того насыщения и... нужных для поддержания моей жизни сил. Боюсь, что не особенно помогало.

- И почему я все это с вами обсуждаю? А не убегаю с криками и обмороком? - Ворчливо спросила у него я, вставая и швыряя шляпку за Армана на кровать. Потом я подошла к окну и отдёрнула штору, чтобы выглянуть в окно. Там снова шёл дождь. На душе было противно и так хотелось расплакаться.

- Наверное, потому что в этот раз я на вас не нападаю. - Я бросила укоризненный взгляд на Армана и снова отвернулась. Очень смешно. - А если серьёзно, то я и сам этого не знаю... Я удивлён. Нет, я сражён этим... Моя жена не знала об этом, Лорейн, узнав случайно, возненавидела. А вы мало того, что заботились обо мне, вернули к жизни и ещё так спокойно воспринимаете мысль о том, что мне необходимо кровь для поддержания жизни. Я восхищён вами, Эйни. Я так боялся вас напугать... или оттолкнуть...

- Все разные, - проворчала я, скрывая улыбку и, радуясь, что он меня не видит. Признаюсь, слова Армана были для меня приятны. Хотя и сама удивлялась и спрашивала себя внутри? Мне правда не страшно? Вот ни капельки? Но почему? Отчего?

- Значит Мара ничего не знала? Где же вы брали кровь?

Я обернулась все же, вернув лицу серьёзное выражение лица, и вздрогнула, увидев, что Арман стоял прямо за моей спиной. Ого, он так быстро передвигается? И так бесшумно?

- Простите, я напугал вас нова... - На его точёном лице отразилось искреннее огорчение, он взял меня за правую руку и мягко сжал мои пальцы. Я кивнула, соглашаясь, но мысленно следила за своими ощущения в руке. Там словно разгорался пожар, а ещё сердце стучало очень-очень часто, готове выпрыгнуть прямо из горла. - Это сделал я?

Он коснулся повязки на пальце. Я снова кивнула.

- Промывайте отваром вербены и ромашки. И внутрь пейте. Это поможет вылечить быстрее.

Он выпустил мои пальцы, вернувшись на кровать. Я с сожалением отметила, что мне это не нравится, я хочу, чтобы он снова сделал это - взял меня за руку или даже за две.

- Эйни? Всё в порядке? Вы покраснели? - Несмотря на тревожный тон, на его губах была игривая полуулыбка, заставившая меня смутиться и покраснеть ещё больше. Ох... ну отчего мне думается о поцелуях с ним?.. Я отвела глаза.

- Вы не ответили на вопрос, Арман. Где вы брали кровь?

- Ах да, прошу прощения, - и снова эта насмешка в голосе. Я рассердилась на себя. Ну сколько можно, Эйни? Сколько можно думать о всяких глупостях. Тут происходит серьёзный разговор... в этот момент мой желудок заурчал. Я почувствовала себя абсолютно несчастной... Даже мой организм саботировал меня и всю эту встречу. - Вы голодны? Я закажу еду.

Я не успела остановить его, Арман уже вышел из номера, прикрыв за собой дверь и послав мне очаровательную улыбку. Я тихо застонала. Он мне нравился. Не как Мэни, с этой заботой и смотрением мне в рот, а как мужчина... я влюбилась? И в кого? Кажется, тётушка Лорейн права, и я совершаю ту же ошибку, что и её сестра. Мне нужно уйти. Прямо сейчас. Иначе я натворю дел, от которых буду потом страдать. Я подняла шляпку и сжала её в руках. Он был так нежен, когда поглаживал мои пальцы. Могу я сейчас вот так просто взять и сбежать?.. Обидится ли он? Нравлюсь ему ли я?..

- Держи, - дверь приоткрылась и там появился Арман с подносом, на котором стояла тарелка с чем-то очаровательно вкусным. Живот повторно заурчал, вызывая у меня смущение и смешок у Армана. Он усадил меня за стол и расставив приборы по этикету, кстати совершенно без ошибок, а сам придвинув стул, сел рядом.

- На чём мы остановились? Ах да... Я просил людей дать мне кровь, иногда покупал в

больницах, иногда платил людям или врачам. По-разному было. Мне везде, у меня были деньги, это значительно упрощало мне жизнь.

- Вы поэтому так молоды? Ведь столько лет прошло?

Еда была восхитительно вкусной, просто изумительной... тётушка Лорейн готовила вкусно, но это было чистое блаженство.

- Да, кровь как бы делает моё тело постоянно новым. Я не до конца разобрался, как это происходит, это просто факт. И у меня отменное здоровье.

- Мне кажется, если бы вы женились на девушке, которая бы знала эту вашу... - Я задумалась, - особенность и добровольно давала бы вам кровь, это бы значительно облегчило вам жизнь.

- Да, конечно. Только, к сожалению, таких девушек я ещё не встречал... - Арман отвернулся. Ему наверняка больно это говорить. Словно жить в мире, где если кто-то узнает о том, каков ты на самом деле, не только красив, как бог, и богат, но и ещё пьёшь кровь, то возненавидит тебя. Как тётушка Лорейн... Это так печально.

- Вы найдёте её, я уверена, - я оторвалась от еды и легко сжала его руку. Его кожа была мягкой и тёплой. Что же он все-таки за существо такое? Как он стал таким? Родился ли он с таким осознанием, что ему нужно пить кровь? Или это пришло к нему позже?

- Спасибо, Эйни. - У него был такой взгляд... такой глубокий и притягательный. Вот интересно, или их такими делает кровь?.. я потерялась в этом взгляде. Моя рука так и покоилась на его, и мы сидели в номере, в котором стало стремительно темнеть и смотрели друг другу в глаза. Вдруг его рука вздрогнула и переплела мои пальцы с его. Это движение сломало все очарование, и я испугалась. Я вдруг испугалась всего этого: и этого взгляда, и того, кем он был, и того, где я была, и того блаженства и спокойствия, что рождались в моей душе в ответ на его действия.

- Мне нужно идти...

Я вскочила, выдёргивая свою руку из его, и спешно засобиравшись, Арман молча следил за мной с такой тоской в глазах, что мне даже стало стыдно за свой страх, и я не поддавалась на это. Он также молча вышел со мной за дверь и собирался уже закрыть дверь на ключ, когда его остановила я:

- Не стоит меня провожать.

- Там темнеет.

- Я... мне нужно все обдумать...

Я не сморила ему в глаза, боясь запнуться, потеряться в них и остаться. А мне этого ведь так хотелось: его теплоты, нежности и этих взглядов. Он попытался взять меня за руку, остановить, но я ушла. Нет, я позорно сбежала. Я выбежала на улицу, там моросил дождь, дул холодный промозглый ветер, и там уже шлёпая по лужам, я поняла, что забыла зонт у него в номере. Но я не стала возвращаться. Я бежала, бежала... от себя, от него, от своих желаний и мыслей. От того, что я хочу сейчас быть с ним, и это так неожиданно и так пугающе. Я сомневалась в том, что могу влюбиться, что кто-то может заинтересовать меня, да так, чтобы как в книге мешалось дыхание и сдавливало сердце. Могу лия довериться ему? Должна ли? Что

говорит моё сердце?

Я читала так много книг о любви, как желала всего этого, но вот когда возможно любовь постучалась в моё сердце, я не готова открыться ей, довериться. Мне страшно... По щекам вперемишк с моросью катились слезы. Я влетела в дом тётушки Лорейн запыхавшаяся и раскрасневшаяся. Меня кидало то в жар, то в холод. Я повесила плащ, скинула плащ и тут же зашагала к себе, так и не сказав ни слова тётушке Лорейн, хотя она пробовала меня остановить и поговорить со мной. Но я не могла сейчас. Просто не могла.

Я зашла в комнату, сняла платье и оставшись в нижнем платье упала на кровать. Я обняла подушку и плакала. Мне так не хотелось, чтобы тётушка Лорейн услышал мои рыдания, чтобы она думала, что это из-за него, из-за Армана. Почему меня пугают собственные мысли и желания по отношению к нему, а не то, кем он является?

Я не заметила, как забылась тяжёлым и глубоким сном под собственные всхлипывания.

Часть 10.

Утром я ожидала головной боли, спутанных мыслей и эмоционального разлада. Этого не было. Было ясность и чёткое осознание всего, что произошло вчера. Я была напугана своей симпатией к нему и тем, что возможно я нравлюсь ему тоже. Я позорно сбежала. Хотя возможно это было правильно... Там под воздействием собственных эмоций я бы не смогла все обдумать и прийти к этому осознанию, что я хотела бы услышать признание и предложение от Армана. Если я ему нравлюсь, пусть обозначит свои намерения. Если нет, то и говорить тут не о чём. Мне он может сколько угодно нравится или не нравится, пока он не сделает этот шаг, мои излишние эмоциональные всплески и переживания только напустят тумана и собьют обоих с толку.

Также я ожидала, что тётушка будет снова сердита после нашей вчерашней ссоры, однако она весело шутила обо всем на свете и даже, обняв меня, извинилась за вчерашние слова. Я была весьма обрадована этим. Настроение стремительно улучшалось, ведь меня ужасно расстраивала ссора с моей любимой тётушкой Лорейн. Мне совершенно не хотелось слышать от неё обидные и неприятные слова, и говорить ей их тоже.

После обеда, когда я, устроившись в гостиной, в кресле читала очередную книгу, изредка глядя в окно, раздался стук в дверь. Тётушка прокричала из кухни, чтобы дверь открыла я, так как у неё руки в муке. Отложив книгу на кофейный столик на резных ножках, я оправила невидимые складки на платье и подошла к двери. Там оказался Мэни, в руках его были цветы, букет полевых цветов. Букет, как и он сам, был мокрым, но очень красивым. Сердце сжало тоской и жалостью к нему... как ему сказать?

- Добрый день, Эйни. Это тебе. - Он, ёжась на пороге, протянул мне букет. Я с улыбкой приняла его, хотя это и намочило и платье, и манжеты на рукавах. А я этого ужасно не любила... Это было неприятно. - Я давно не видел тебя. Все в порядке? Как ты себя чувствуешь?

- Все в порядке. Спасибо за цветы. Ты хотел что-то ещё?

- Нет, я просто... проходил мимо и решил тебе занести их.

Он снова улыбнулся мне, переминаясь с ноги на ногу. Он сунул покрасневшие руки в карманы, и в этот момент я поняла, как же он нелеп сейчас. Мнится на пороге, этот костюм, снятый со старшего брата, отросшие волосы, давно не бывавшие у цирюльника, слишком длинные штаны и вообще весь он стал в моих глазах в один момент таким несуразными и непонятным, что я

даже вздрогнула. В этот момент я поняла, что ни за что не готова стать его женой, даже если он будет обожать меня, целовать мне ноги и землю, по которой я хожу. Нет. Это будет не муж, а истинное страдание для меня и да, я возненавижу его лютой ненавистью. Буду ненавидеть на всех светских приёмах, когда он будет также не уверен и нелеп, даже в костюме с иголки, когда он будет ворчать на франтов, когда будет вот также заискивающе улыбаться мне снова. Эти мысли придали мне решительности.

- Мэни, - я постаралась произнести его имя очень решительно, но очень мягко. - Я обдумала твоё предложение и готова дать тебе ответ.

Он замер, как кролик перед удавом, словно его заморозили, и уставился мне прямо в глаза.

- Прости, я не могу согласиться стать твоей женой. Я не подхожу тебе.

Мни закрыл глаза и выдохнул.

- Вот как...

- Прости.

- Нет, все в порядке... - Он развернулся и, даже не попрощавшись, пошёл по дороге, пиная камушки и сутулясь. Внутри меня было жалко его, но я поступила правильно. Я знала это. Я чувствовала. Я не смогла бы его вынести в качестве мужа, и в качестве отца своих детей тоже. Я поморщилась, проводив его взглядом и прикрыла дверь. Нет... лечь с ним в постель? Нет-нет-нет.

А с Арманом?

Я остановилась у зеркала и снова спросила у себя это мысленно? А с Арманом? Я примерила этот образ на него и прислушалась к своим чувствам. Не было отторжения. Было беспокойство, любопытство и испуг от незнания, что там вообще будет, но эта мысль мне даже была приятна. Я улыбнулась своему отражению. О да, Эйни, о да... Если ты уж кого-то выбрала, то явно не отвяжешься от этого в своей голове. Я прошла дальше по коридору и поставила на кухне в вазочку букет цветов. А затем, наконец-то, вытерла руки.

Интересно, а Арман вообще может быть отцом? Или то, что у него такая особенность, не даёт ему способность размножаться?

Я потрясла головой, отгоняя подобные мысли.

- Кто это был?

- Мэни.

- Это его букетик?

- Ага, - я снова оглядела этот невзрачный подарок. Мне было приятно, конечно, но корзина с белыми цветами мне нравилось куда больше.

- Что-то в этот раз скромно, а?

Тётушка Лорейн отбросила косу на спину и, смазав руки мукой, продолжила месить тесто на большом столе.

- В каком смысле?

- Ну тогда вон какая корзина была, пришлось по всему дому её в вазы расставлять, ещё соседке отдала, порадовала её...

Соврать или сказать правду? А вдруг она снова обидится... не стану.

- Ммм, да...

Я покосилась на одну из тех самых ваз, что держали в себе часть белых цветов. Я подошла к ней, медленно огладила нежные и мягкие лепестки. Его руки... он так держал мои пальцы, перебирал их.

- Это ведь не Мэн прислал ту корзину, да, дорогая моя? - Раздался голос тётушки, я вздрогнула, выпадая из собственных грёз. Ну что ж она сама спросила, и сама догадалась.

- Да.

- Почему же ты мне врала?

- Вам ведь это не понравилось бы.

Я так и стояла спиной к ней, и мне было так намного легче говорить с ней об этом. Не нужно смотреть в глаза и теряться словно маленькой девочке.

- Что ещё ты мне не хочешь говорить, чтобы не расстраивать меня?

Сзади было тихо, кажется, она даже перестала месить тесто.

- Это я освободила Армана. Я дала ему крови.

Признание далось легко, намного легче, чем я думала. Словно сообщила какой-то безынтересный факт. Погода, политика, покупки на рынке, а не как не «Я дала ему крови».

- Зачем?

- Это было случайно. Я не знала, что ему нужна была именно кровь, я просто порезалась, когда кормила его.

- Кормила его? Ты с ума сошла...

Я вздохнула... Ох тётушка, вы не знаете даже насколько...

- Я думала, что он просто старый человек в тюрьме, который чудом выжил, носила ему туда еду.

- Ну конечно, просто так выжил, через столько-то лет.

Ворчание тётушки было таким забавным, я улыбнулась, продолжая гладить цветок и вдыхать этот лёгкий аромат снова и снова. Что тут скажешь, может это и было глупо, но все-таки уже произошло. А что ещё будет? Улыбка стала шире. Ой, что будет... Если все мои мечты станут исполняться, то тётушка вы тоже с ума сойдёте.

Снова стук в дверь. Я изумлённо обернулась к тётушке, но она лишь пожала плечами. Она

никого не ждала. Я шла в коридор, раздумывая, кто там? Может Мэни? Пришёл поговорить меня, чтобы я передумала. Только не это... я не вынесу отказывать ему дважды, мне и так потребовалось все моё мужество. Так я думала, открывая замки и защёлки. Я даже заготовила нахмуренное выражение и гневную речь для Мэни, но так всё и забыла, потерявшись в зелёных глазах.

- Добрый день, Эйни.

Сердце, стучи, я судорожно вздохнула, вцепляясь пальцами в дверь. Только бы не упасть, не растаять тут, под его тёплым взглядом.

- Добрый день, Арман.

- Ты забыла зонт вчера.

Он протянул мне зонт, я забрала его и, отпустив дверь, повесила на крючок. Пока я смотрела не на него, я мысленно решила собраться, никаких излишних эмоций. Нечего раскисать только от его взгляда. Я сменила радостную улыбку на вежливую, чуть улыбаясь одними уголками губ, и приняла очень серьёзное выражение лица, какое делала на занятиях, когда материал мне был не очень понятен, но показывать этого так откровенно мне не хотелось.

Когда я повернулась, я была собрана и не позволяла внутренним охам и ахам вырваться за эту маску. А вот Арман явно был расстроен этому, он то и дело вглядывался в моё лицо, пытаясь там найти что-то, и его улыбка становилась не такой уж уверенной, к моему внутреннему удовлетворению.

- Спасибо большое Вам. Вы хотели что-то ещё, Арман?

Я произнесла его имя нараспев, очень медленно и почти коварно, все героини из всех любовных романов, которые я когда-либо читала мысленно аплодировали мне. Он на мгновение вздрогнул, растерявшись, утонув в этом звучании своего имени, а потом все же произнёс:

- Эйни, я бы хотел вас пригласить...

- Кто там на этот раз, дорогая моя?

Я обернулась, мысленно ругая тётушку, что появилась так не вовремя, сорвав все очарование момента. Тётушка Лорейн замерла, глядя на Армана, а он на неё.

- Лорейн, только не начинай... Прошу, я не хочу ссоры сейчас.

В голосе Армана прозвучало отчаянье и мольба, а лицо вмиг стало таким несчастным. Тётушка изумлённо посмотрела на него, а потом на меня, словно видела нас в первый раз в своей жизни и, наконец, вымолвила:

- Поторопись, мне нужна будет твоя помощь на кухне.

И к чему же она это сказала? Она ведь всегда всё успевала сама? И ей никогда не требовалась помощь?

- Эйни... - Я обратила взор на Армана, он так смотрел на меня, что вся моя уверенность стала

давать сбой, я с трудом удержала то же спокойное выражение на лице, - Прощу вас, Эйни, мы можем встретиться завтра?

Согласиться? Или нет?

- Когда?

- В полдень?

Я задумалась.

- Боюсь, я не смогу, мне нужно готовиться, через несколько дней закончатся каникулы в школе травниц, и мне нужно проторять материал. Так что я буду свободна только к часам пяти.

Я вздохнула, выражая все моё сожаленье.

- Давайте встретимся в пять. У Южного парка как тогда?

Я кивнула, соглашаясь. Он взял мою руку и запечатлел там лёгкий едва уловимый поцелуй. После этого Арман откланялся мне и послал ту же тёплую и очень горячую улыбку, от которой внутри всё оборвалось. Едва он спустился с крыльца, я закрыла дверь и прислонившись лбом к двери, выдохнула. Я смогла. Я выдержала. Надеюсь, это не выглядело так, словно у меня болело что-то, а я пыталась изобразить, что всё хорошо. Я фыркнула.

- Умничка.

Я вздрогнула от этого голоса и, оторвавшись, от попиранья лбом двери, повернулась к тётушке. Она стояла в проходе на кухню. У неё было отчего-то радостное выражение лица.

- Что?

- Я говорю, что ты большая умничка, что не даёшь своим эмоциям нести тебя дальше.

- Мне казалось, что вам не нравится Арман.

- Мне казалось, что ты попадёшь в сети его харизмы и очарования, и потеряешь голову, - Она покачала головой, - и признаюсь, я никак не ожидала, что все будет наоборот.

- Вы думаете, я... - Я сбилась, сердце стучало как сумасшедшее. Неужели?..

- Нравишься ему? О да, я бы сказала даже, он без ума от тебя. - Удивив, как я прячу лицо в ладонях и едва сдерживаю радостные крики, тётушка решила огорошит меня, - Но, Эйни, ты знаешь, кто он на самом деле?

Радость немного поутихла после такого вопроса. Мне сейчас не хотелось думать о таком.

- Да, конечно.

- И что он... питается кровью?

- Да. - Просто ответила я, не отрывая взгляда от лица тётушки и с удовлетворением дождалась испуга и удивления. Да, я такая...

- И ты так спокойно говоришь это?

- Да.

- Вот дела...

С этими словами тётушка Лорейн ушла на кухню, качая головой, но в её голосе я слышала не осуждение, а восхищение. Я же не знала, что сказать, как праздновать свою маленькую победу. Я была ужасно рада, что сама тётушка похвалила меня и что признала, что я нравлюсь ему, значит, возможно, всё будет так как я захочу. Мы будем общаться, узнавать друг друга, он влюбится в меня до сумасшествия. Он будет моим. И тогда он сделает мне предложение, а дам своё согласие.

Часть 11.

Было вполне очевидно, что я не смогла готовиться к занятиям, хоть и правда планировала. Мысленно я уже пребывала там, в том счастливом дне, когда его бархатный баритон проговорит мне те самые слова, что мечтает услышать каждая девушка. Что он не может без меня жить. Я тихо вскрикнула и накрыла голову подушкой. О, нет... кажется, это я сама без него не могу жить. Но ведь я так мало о нем знаю. Неужели я из тех, кто влюбляется во внешность? Забывая о внутреннем мире, о душе? Это неправильно. Надо будет на встрече расспросить его обо всем. Я должна быть готовой к его странностям и слабостям, ведь он, даже если пьёт кровь, просто обычный человек, который по определению не может быть идеальным. Если он сделает предложение, то где мы будем жить? Тут, в этом городе? Или нет? Будет ли он работать? А я? Конечно, всё это ерунда, но такие мелочи стоит определить сразу. Потому что я должна быть готова к ним, чтобы не было неприятных сюрпризов.

Благо у нас будет достаточно времени на это. Я думаю, что он признается через пару недель мне, а предложение будет через месяц или два. А за это время я постараюсь достаточно узнать его, расспросить обо всем, что для меня важно. Не думаю, что найдётся что-то, что действительно заставит меня передумать и отказаться от всей этой задумки, но думаю стоит попробовать. Или принять тот факт, что он - моя судьба и совершенно подходит мне. Моя вторая половинка. Ну а там и свадьба не за горами...

Но вот что делать именно с кровью? Покупать ей у врачей? У людей? Это всё же неправильно. Тогда как? Использовать своё же предложение? Про девушку, которая примет его и будет давать ему свою кровь? Это, конечно, замечательно звучало в качестве поддержке там, в его номере, но если так подумать, то это очень и очень затратно. Смотря, сколько крови ему требуется и как часто... ведь я не могу этого делать часто, даже при всём своём желании. Подождите-ка? А оно у меня есть? Есть желание давать ему своей крови? Через боль и прочее? О, боги... спасите меня, я пропала.

Я совершенно обезумела от этой привязанности к Арману. Мне нужно прочистить мозги чем-то, иначе... всё кончится плохо и для меня, и для него. Я встряхнула головой. Нужно отвлечься хоть чем-то. Промаявшись до самого обеда всеми этими странными мыслями о замужестве и прочих мечтах, я всё же решила углубиться в травничество. И это вдруг меня так захватило, что я ушла туда с головой, пока не услышала голос тётушки:

- Эйни, ты передумала сегодня встречаться с Арманом? Время-то до пяти совсем немного осталось.

Несколько минут я соображала, о чём же она, а потом на меня сразу навалилось всё: раздумья, мечты, вопросы, которые я хотела задать Арману, и много-много эмоций. После этого я вскочила из-за стола и спешно начала собираться, а потом также спешно спустилась вниз.

- Я опаздываю? Намного?

- Да нет... если выйдешь сейчас, то вполне возможно дойдёшь ровно в пяти. Что с твоей причёской?

- Причёской?

Я оправила в сотый раз платье и шагнула к зеркалу. На голове было гнездо как минимум, а все потому, что кто-то любит запускать пальцы в шевелюру, пока учит материал. Слава богу, тётушка заметила, а то вышла бы из дому в таком виде, смеху то было... послав ей благодарный взгляд, я снова поднялась наверх, теряя драгоценные минуты и поправила причёску. Когда я выходила из дома, в плаще и со шляпкой, я уже опаздывала. Мысленно ругая себя за нерасторопность, быстрым шагом буквально добежала до поворота, после которого был виден вход в парк. Там же, выдохнув и собравшись с мыслями, я перешла на плавный прогулочный шаг и неспешно вышла ко входу в Южный парк. Он стоял прямо у входа, оглядывая толпу людей, которые выбрались сегодня на прогулку. А их сегодня было много, благо погода оказалась солнечной, хотя и уже по-осеннему холодной. Из рта вырывался пар, а руки предательски мёрзли в тонких тканевых перчатках.

- Добрый день, - когда он увидел меня, его лицо просияло и осветилось тёплой улыбкой, от которой я и сама едва не взлетела к облакам. Арман...

- Добрый, - я потянулась к нему первой и взяла под руку. Так началась наша прогулка.

Больше всего на свете в эти моменты мне хотелось прыгать от счастья и кружиться, кружиться, кружиться, потому что со мной, девушкой из простого провинциального городка, гулял столь достойным джентльмен, постоянно предугадывающий мои желания. А ещё галантный, добрый и весьма образованный, как я отметила про себя. И конечно же, его внешний вид, снова такой, что дамы теряют дар речи и оглядываются на нас, а мужчин становятся хмурыми и пытаюсь подтянуть животы. А сей господин смотрит только на меня. Только на меня. Я таяла от этих мыслей, просто растекалась от наслаждения, что смогла заполучить такого мужчину себе в поклонники.

Впрочем, расчётливый голосок мысленно отрезвлял меня от этой эйфории каждый раз, когда я пыталась совсем уж внутри превратиться в кашу. Главное, было не только очаровать его, но и удержать что немало важно. Все это время мы шли, и я молчала, внимательно слушая его речь. Он рассказывал мне о том, что он обучался в одном университете, где изучали философию бытия, и он даже пробовал написать научный трактат на эту тему. Ещё он рассказывал о себе, совсем немного личной информации, что он любит травяные чаи (вот уж никогда бы не догадалась), читать книги (в этом мы похожи), а ещё увлекается коллекционированием телескопов, так как изучал звёздное небо. Я слушала и млела, его рассуждения текли здраво и логично, перетекая от одного факта к другому. Я не была слушком образована и знала немного, хотя и пыталась поправить свой уровень образования с помощью книг, однако мне легко и понятно было слушать его, даже когда он рассказывал о звёздах, их устройстве и движении по небу.

- Вам, наверное, это совершенно неинтересно... - его глаза лукаво блеснули, когда он притворно вздохнул после очередного длинного монолога.

- Зря вы так думаете. Ваши мысли очень интересны и глубоки. Я ещё не встречала столь образованного человека.

- У меня было на это время.

Я вежливо улыбнулась ему. И правда. Куда тратить столько лет, не на тюрьму же? Не на прожигание жизни? Вот видно, что у человека есть внутренние ориентиры. Об этом я и сообщила Арману. Он удивлённо остановился.

- О чём вы?

- Многие люди хотя бы получить ещё время, то есть кроме того, что отпущено человеку, - пояснила я, - но многие бы не стали тратить его на знание, книги или что-то подобное. А начали бы кутить и жить на «полную катушку»,

- Вы слишком хорошо обо мне думаете, Эйни. - Арман помрачнел. - Я тоже был опьянён этой свободой и вседозволенностью, что давали деньги и неограниченное время.

- Вы справились, и сейчас вы тут, а не с куртизанками. Разве нет?

- Вы правы.

- Арман, - после некоторого вдумчивого молчания, я снова начала путь по аллее, - могу я спросить вас? - Дождавшись кивка, я продолжила. - Чем вы будете заниматься дальше? Теперь вас тут ничего не держит.

Я смело взглянула в зелёные глаза, честно ожидая ответа, что его держу тут я. Он вздохнул, отводя глаза и начиная рассматривать облака, сердце предательски дрогнуло. Неужели я ошиблась?

- Признаюсь вам, Эйни, я собираюсь покинуть этот город. Меня и правда тут больше ничего не держит. Я поеду туда, где мой дом. В мой родной город.

«Меня и правда тут больше ничего не держит», - внутри все сжалось. Не держит, значит... что ж... так, не стоит плакать.

- Когда?

- Через пару дней. Вы расстроены?

- Да... - Только и смогла вымолвить я. - Я надеялась, что вы останетесь здесь ещё... на какое-то время.

Арман вздохнул, а затем развернул меня к себе лицом, заглядывая в глаза и беря мои руки в свои. Они были такими горячими, что мне даже захотелось сначала выдернуть замёрзшие пальцы, но подумав, что это будет смотреться нелепо, не стала.

- Эйни, послушайте. Я не могу оставаться тут, тут все напоминает мне о них. Я оставался в этом городе только ради Мары, потому что она отказалась уезжать из этого города. И сейчас я хочу вернуться домой. Я хотел бы, чтобы вы последовали за мной, но смею ли я требовать от вас подобного?

Сначала я озадаченно посмотрела в его лицо. Не шутит ли? Но видя, что нет, он серьёзен, я грозно нахмурилась и все же выдернула руки из его пальцев. Ах так!

- Последовать за вами? Простите меня, Арман, но в каком качестве вы хотите, чтобы я последовала за вами в ваш город? Вы не думаете, что все это несколько унижительно слышать для дамы?

- Простите, Эйни... Я и в мыслях не хотел вас оскорбить подобным предложением. В качестве невесты тут и в качестве жены там. Разве не понятно я высказываю свои чувства вам? Я влюблён в вас! Нет. Я люблю вас. Конечно, я не дал бы вам просто так поехать со мной, подвергая риску вас и вашу репутацию.

- Влюблены... любите... - повторила я, распахивая глаза и чувствуя, как колотится сердце в районе горла. Я мечтала об этом дне, но и не представляла, что все будет именно так. И что всё будет так быстро...

- Разве я не показывал всеми своими действиями это?

- Я... я прошу прощения за свои резкие слова... - прошептала я, - я так неопытна в таких делах... видно за своими чувствами я не смогла углядеть вашего признания.

- Вы чувствуете ко мне то же самое?

Арман подошёл ко мне так близко, что на нас стали оборачиваться люди. Мне стало жарко, мои щеки пылали, как целая сотня костров. Но я смотрела в его зелёные глаза и не могла сделать и шагу назад. Он любит меня... какие простые слова и как замечательно они выбывают из колеи.

- Конечно...

- Это же ещё лучше.

- Ещё лучше? - Не понимая искренней радости Армана пролепетала я. - Ещё лучше?

- Я боялся, что вы равнодушны ко мне... но все же хотел попробовать завоевать ваше сердце, даже если то уже придётся делать после того, как вы бы стали моей женой.

Странные у него рассуждения: он думал стать моим мужем и лишь потом влюбить меня в себя? Интересная тактика. Наверное, надёжнее, чем наоборот девушка то уже никуда не денется. Я рассмеялась этим мыслям. На душе было хорошо и приятно.

- Идёмте в кафе, милая Эйни, вы совсем замёрзли.

Часть 12.

Пока мы шли в кафе, он держал меня за руку. Не под руку, как делают в приличном обществе, а сжав мои пальцы и поглаживая их, чем вызывал у меня волны смущения и тёплого щемящего чувства в груди. На губах царила счастливая улыбка, и я никак не могла её скрыть. Правда видя, как от неё становятся ярче глаза Армана, мне и не особенно этого хотелось.

Мы сели за стол, и Арман заказал мне горячий шоколад и сладкое пирожное, а себе просто чай.

- Но Эйни, вы так и не ответили мне. Вы поедите со мной?

Я позволила себе хитро улыбнуться и, сжав его руку на столешнице, проговорить:

- Арман, кажется, вы начали не с того вопроса.

Сначала он удивлённо уставился на меня, а потом рассмеялся:

- Ах, простите-простите. Эйни, любовь моя, - пафосно начал он, взмахивая свободной рукой в такт словам, а я с таким же пафосным лицом кивала ему, показывая, что слушаю. - Не окажете ли вы мне честь стать моей верной супругой?

После этого я, едва сдерживая порывы смеха, сделала очень задумчивое лицо и, наконец, сказала:

- Я думаю... я даже не знаю. Да.

После этого я все же не выдержала и рассмеялась, он поддержал меня. Когда официант принёс нам заказ, он с минуту стоял рядом с нашим столиком, пока мы нестерпимо хохотали словно дети над удачной шуткой. Да уж, никогда не думала, что предложение - это будет забавно. Я думала, что и правда все будет пафосно, с поклоном и паданием ниц на одно колено и людьми вокруг, а не вот так просто, словно это так обыденно. Для него это было очевидно, он же был так удивлён: как же можно пригласит даму с собой просо так? Как же я жалею, что позволила сомнениям закрасться в моё сердце.

- А теперь касательно вашего вопроса, - я осторожно отпила из маленькой чашки шоколад. Он был в меру сладкий, в меру горьковатый - идеально. - Это не мой родной город, я приехала сюда и поступила в школу, тут у меня лишь тётушка Лорейн и пара подруг, а родных нет.

- Где же они?

Я вздохнула.

- Их нет, меня воспитывали тётя и дядя, но они давно позволили мне жить своей жизнью и их не слишком заботит, где я и чем занимаюсь.

- Вот как...

- Как далеко тот город, куда мы поедим?

Пирожное оказалось таким же вкусным, как и шоколад, а вкупе с прекрасным настроением - просто истинное наслаждение. Арман замер с задумчивой улыбкой, рассматривая меня, пока я осторожно отрезала маленький кусочек и клала его в рот.

- Далеко от сюда. Почти на окраине Нуарии.

- Что же тогда вы тут? Если ваш дом так далеко?

- Я приезжал сюда, чтобы проверить свои деревни. Те, что находятся загородом. Они принадлежат мне, и иногда я приезжаю, чтобы всё осмотреть лично.

- Они принадлежат вам? Вы настолько богаты?

Шоколад застрял в горле от удивления и Арману пришлось встать и похлопать меня по спине, прежде, чем пришла в себя. Оттерев губы, я поморщилась, горло досадно саднило. Но тёплый взгляд и короткий поцелуй в руку немного сгладили неприятные ощущения.

- Разве вы не знали?

- Откуда? Тётушка говорила что-то на счёт того, что вы богаты, но я даже не прислушалась к этому...

- Вы так очаровательно чисты и невинны, Эйни, - я смутилась. Какой тонкий комплимент. - Вас совершенно не волнуют мои деньги, мой статус, каков дом, куда я вас привезу. Вы так доверяетесь мне, что мне страшно сделать что-то не так и разрушить эту веру в меня.

Меня ведь и правда это не волнует, тихо пронеслось в голове. Разве же это важно? Но вот зато есть пара вопросов, которые, конечно, меня волнуют.

- Спасибо, Арман. Мне так приятно слышать это именно от вас. Хотя меня и удивляет, что вы так плохо думаете о девушках. Неужели те, кто встречался вам, так много придавали этому значения?

Конечно, я преувеличивала свои заслуги. Не так уж мне было и всё равно. Мне было важно чтобы тот, кто станет моим мужем мог позаботиться обо мне и наших детях... да, кстати о детях.

- Бывало и такое. В чем дело?

- Я хотела спросить... но не знаю, стоит ли.

- Могу я говорить тебе ты?

Я смутилась и кивнула. Это было приятно.

- Эйни, ты можешь спрашивать у меня все что угодно. Я хочу, чтобы ты была честна и откровенна со мной, даже если мне очень будет это неприятно.

- Нужно уметь талант быть честной и откровенной, не уверена, что он у меня есть, - я улыбнулась ему. - Талант сообщать откровенные вещи я мягкой форме, не обижая человека.

- Я думаю он у тебя есть, любовь моя.

Я прижала ладонь к губам, чувствуя, как от этого обращения кипит кровь в теле, как кружится голова, и мир стремительно становится ярче. Таким ярким, что нестерпимо. О, боже, разве можно быть настолько счастливой?

- Я хотела спросить... о детях.

Я подняла глаза и увидела, как в одно мгновение тёплая и ясная улыбка Армана мрачнеет, глаза потухают, и он, сгорбившись, словно старик, тихо шепчет:

- Прости... - Я молчала, ожидая продолжения, и оно последовало. - У нас не будет детей... Я.. не могу...

Я вздохнула и прислушалась к себе: что я чувствую после такого заявления? У нас не будет детей. Никогда. Немного расстроена, но совсем немного. Я конечно хотела испытать радость материнства, но не думаю, что единственное, к чему я способна в этой жизни. А вот он... Я наклонилась и обеими руками сжала его тёплую руку.

- Арман, ничего страшного. В мире так много детей, которым нужны родители, а мы идеально для этого подойдём. Не нужно унывать.

Он переплёл мои пальцы со своими:

- Ты чудо, которое за что-то досталось мне. Я так рад.

Но вот его лицо снова потемнело.

- Арман?

- Нет, ничего...

- Ты хочешь, чтобы я была откровенна с тобой, но ведь я желаю того же.

Тяжкий вздох. Он сжал мои пальцы так сильно, что мне стало больно и хотелось вскрикнуть, но я сдержалась. Что его мучает?

- Я... Я думаю, что мы так счастливы сейчас, но наш союз может быть недолог. Я был влюблён в Мару, но она разбила мне сердце...

Ах вот оно что...

- Признаюсь, я тоже этого боюсь немного, - Арман поднял на меня печальные зелёные глаза, - мы не знаем, что ждёт нас завтра и каковы мы будем в этот день. Но сейчас мы вместе, давай наслаждаться именно этим сейчас, не портя его печалью о будущем, которое может и не случится?

- Нет, всё-таки ты определённо чудо... Ты развеиваешь все мои сомнения и страхи и наполняешь меня силой. Мы справимся.

- Конечно. Я даже не сомневаюсь в этом. Но Арман...

- Да, любовь моя?

- А как же тогда на свет появился ты?

- Я был рождён обычным человек, как и все, - Он рассмеялся, делая большой и долгий глоток из кружки, потом поправил платок на шее. - Это потом я стал уже таким, как сейчас. Я не хотел бы говорить об этом, возможно, когда-нибудь я расскажу тебе эту историю. Но не сейчас.

- Как скажешь. А что же твои родные?

- Они давно умерли. От старости. Прошло так много времени...

Вот как... он также одинок, как и я. Но теперь мы будем вместе. Хм... вот ещё вопрос, который мучал меня утром:

- Арман. Что мы будем делать с... твоим питанием? - Я не стала говорить «кровью», потому что мы сидели в кафе, вокруг ходили люди, сновали официанты туда-сюда, и это вызвало бы слишком много толков.

Он задумался на секунду:

- Я думаю оставить, как и было. Покупать, просить. Не переживай об этом.

- Ты думаешь, что это правильное решение?

- А что?

- Помнишь, я говорила... просто я могла бы...

Он остановил меня укоризненным взглядом:

- Об этом не может быть и речи.

- Почему же?

- Я не смогу смотреть на твои страдания, любовь моя. Я не смогу причинить тебе боль. Мы что-нибудь обязательно придумаем.

Я доела пирожное и почти допила шоколад, когда Арман, уже давно отставивший пустую кружку и задумчиво созерцающий меня, спросил:

- Сколько тебе нужно времени, чтобы собраться и попрощаться с теми, кто тебе дорог?

Я прикинула в уме, день на сборы это точно нужен, вещей у меня конечно не много, половину я думаю даже и брать не стоит, и ещё день встретиться с Марианн и Лорейн, сообщить им радостную новость, что теперь я уже не просто девушка и замужняя практически девушка.

- Думаю, два дня будет вполне достаточно.

- Хорошо, я постараюсь уладить все свои дела к этому времени, и через два дня мы уедем отсюда.

Он ещё помолчал немного, а потом задумчиво протянул:

- Ты знаешь, Эйни, я поражён и восхищён тобой.

- правда? - С кокетливой улыбкой уточнила я, - Почему?

- Ты согласилась на все эти... обстоятельства и согласна жить вдаль дома со мной где-то у глуши.

- Ты так говоришь, словно хочешь, чтобы я передумала.

- Нет-нет ни в коем случае.

Я рассмеялась, видя его вытянутое лицо, он совсем как ребёнок, мелькнуло в голове. Только очень большой, очень взрослый и очень красивый ребёнок. Также верит в мир и в людей, хотя мне приятно, что он верит в меня, а я в него.

- А что это обязательное условие? Жить именно в глуши? - Я сделала очень печальное выражение лица и даже вздохнула, но все не сдержала улыбку в конце, хорошее настроение никак не хотелось прятаться и выливалось в безудержный смех и обилие улыбок.

- Конечно, нет. Просто мой дом стоит далеко, так как я люблю жить уединённо.

Ему нравилось видеть, как я кокетничаю, проявляю своё актёрское мастерство, его глаза жадно следили за каждой моей чёрточкой, за каждой улыбкой, ужимкой, смешком или взглядом. Я чувствовала всем телом, как он меня любит, словно меня завернули в огромное пушистое одеяло.

- А в той глуши найдётся место для скромной травницы вроде меня?

- Надеюсь нет.
- Отчего же? – Спросила я, пугаясь излишней серьёзности его лица.
- Я не хотел бы, чтобы ты работала или утруждала себя чем-то. Я смогу позаботиться о нас.
- А если это будет не нужда, а искреннее желание помогать людям? Моё хобби?
- Ну что ж, тут я ничего не смогу поделаться. - Он тепло улыбнулся мне, разводя руками. - Да и как я могу тебе отказать, любовь моя? Я готов весь мир сложить к твоим ногам и исполнить любой твой каприз.

Я улыбнулась ему в ответ, внутренне ликуя и правда чувствуя эту силу. Он может мне отказать сначала, даже начать сердиться, но стоит добавить ласки и спросить ещё раз или ещё раз, и он не сможет мне отказать. О, да, меня ждёт замечательная жизнь...

Часть 13.

Я вошла в прихожую и замерла там, приходя в себя, переосмысливая. Потом медленно разделась и прошла на кухню. Тётушка суетилась там, разогревая ужин.

- Как все прошло?

- Я уезжаю, тётушка...

Тихо сообщила ей я, сверля взглядом столешницу. А я и не замечала, что лак потрескался и образует такие сложные и красивые узоры.

- Что?

Громко стукнул половник, упав на пол. Дальше в кухне повисла тишина. Я подняла на неё глаза и, едва сдерживая счастливые слезы повторила:

- Я уезжаю от сюда.

- Эйни, - она растерянно подошла ко мне и прижала к себе. От неё пахло булочками и травами, а ещё домашним теплом. - Как же так? Почему?

- Я выхожу замуж.

- Что? - Тётушка отодвинула меня от себя и снова потрясённо заглянула мне в глаза. - Замуж?

- Я кивнула. - За Армана? - Снова кивок. - Ты уедешь с ним?

- Да, тётушка Лорейн. Я уеду с ним.

- Но как же школа?

- Я думаю достаточно изучила, чтобы начать заниматься самостоятельно. Но если потребуется, я продолжу обучение в другой школе.

- А как же... я? Ты оставишь меня?

Тётушка Лоре н выглядела такой растерянной и одинокой. Я ведь не задумывалась, что стала ей почти как родная дочь, которой у неё никогда не было. Я обняла её.

- Простите меня, тётушка. Но я так хочу поехать с ним. Вы не представляете насколько. – она все так же потрясённо помолчала. – Я буду писать вам. Обещаю. Так часто как смогу. Я не забуду вас и вашу доброту.

- Эйни, дорогая моя, - она отмерла, взяла моё мокрое от слез лицо в свои тёплые и сухие ладони. – Ответь мне всего на один вопрос. Ты счастлива с ним? Ответь мне, я должна знать наверняка.

- Ну, конечно, стала бы я соглашаться на такое, если бы моё сердце не ответило да?

Она отошла от меня и стала снимать передник, в её глазах застыла странная отстранённость, брови были нахмурены. С таким же выражением лица она ушла в коридор, я догнала её. Она стояла на пороге, кутаясь в плащ.

- Где он?

- Тётушка? – Я была растеряна.

- Я должна с ним поговорить, я должна удостовериться, что он не причинит тебе боли.

- Но, тётя!

- Прошу тебя, Эйни.

- Он в гостинице «Жемчужина», на втором этаже, номер шестнадцать.

Хлопнула дверь. Это ушла тётя. Я прошла в гостиную и упала в кресло. Стоило ли мне говорить, где он? А вдруг она отговорит его? А вдруг она скажет, что он лгал мне? Вдруг моё счастье, только собравшись в хрустальный замок, разрушится? Хотела бы я знать правду сейчас? Узнать, что он негодяй, который хочет воспользоваться девичьей доверчивостью и добротой? Пообещать мне счастья и задобрить добрыми словами, а сам уедет, оставив меня тут?

Я вскочила. Что же делать? Смогу ли я вынести этого? Хочу ли я это узнать? Сейчас и тут, а не потом? Я не знала... я была в смешанных чувствах и единственное, чего я и правда хотела, чтобы все оказалось хорошо. Даже нет... мне хотелось, чтобы в голове установилась тишина, чтобы я не думала ни о чём. Я снова села в кресло. Но все же, если так, то лучше, если я узнаю об этом сейчас, когда мои мечты только крепнут, да это будет больно, но это лучше, чем, когда окончательно поверю в эту сказку и буду разочарована.

Приняв это решение, я замерла в кресле, задумчиво поглядывая то в зеркало в коридоре, в котором отражалась входная дверь, то в окно, где стремительно темнел вечер. Так я и просидела в кресле, то выпадая из реальности, то погружаясь в странные раздумья, порой никак не касающиеся сложившейся ситуации. Раздался стук двери, который вывел меня из задумчивости. Я встала, разминая затёкшее тело, прошла в коридор. Тётушка что-то напевала, уже раздевшись.

- Тётя? – Мой голос был охрипшим, и я прокашлялась, она повернулась ко мне и с тёплой материнской улыбкой погладила по голове, а потом просто пошла дальше. Я, как привязанная, за ней. – Но тётя? Вы говорили с ним?

- Да, дитя моё, говорила, - не оборачиваясь ответила тётушка, начиная расплетать косу.

- И что же? - С замиранием сердца спросила, прижимая руки в груди. Мне было так страшно, словно я шла по тонкому мостику, который то ли вот-вот обвалиться под моими ногами, то ли станет каменным мостом, где я смогу наконец выдохнуть.

Тётушка Лорейн подошла ко мне и, запечатлевая на моем лбу поцелуй, произнесла:

- Я благословляю вас.

С этими словами она поднялась вверх и, напевая там что-то, закрылась в ванной. Я е также сжимая руки, стояла посреди коридора и осознавала. Мостик не обвалился. Все хорошо...

- О, боже... - Пронеслось по коридору, я привалилась к стене, чувствуя, как по щекам текут слезы счастья и облегчения. Она благословила нас. Тётушка Лорейн, которая была против Армана, она благословила нас! Да... наконец-то, я могу выдохнуть. Всё будет хорошо.

Остаток вечера до сна я собирала вещи: нарядов у меня было не так уж много, а остальные я без тени сожаления оставила тут, потому что не хотела брать с собой в новую жизнь вещи, которые не трогали моего сердца. Игрушки и многие книги я также оставила у тётушки. В итоге получилось не так уж много. Два чемодана, учитывая, что я приехала в этот город с одним и то полупустым - очень неплохо. Посмотрим, что будет дальше.

Утром я поймала мальчишку около дома, и тот за пару монет отнёс записку Лорейн и Мариэнн о том, что днём я жду их на чай. Тётушка ушла по делам куда-то, предоставив мне кухню, где я тут же принялась творить пирог к чаю. Я чувствовала некоторое сожаленье, что покидаю все это, уже ставшее родным, но в то же время и предвкушение от нового и неизведанного, хотя и не такого простого, как обычная моя жизнь. Мне предстоит стать женой. Не просто девушкой, что занимается своими делами и чаяньями, ведь теперь на мои плечи лягут заботы о муже и доме. Мне нужно будет готовить... Я прикинула в уме, сколько рецептов мне известно, и насколько они вкусны. Было немного. Однако если Арман богат, наверное, у него будет повар, и тогда на мои плечи ляжет обязанность присматривать за ним. И не только за ним. Ещё за горничными, прачками, садовником и прочими слугами, если они у нас будут. Сложнее это, чем если бы я делала это сама, или нет? Справлюсь ли я? Смогу ли я грамотно распорядится его хозяйством, не растрачивая нажитое им состояние, а лишь экономно вкладывая в необходимое?

Я вздохнула, впереди меня ждало море ответственности, и это пугало... признаваться не хотелось, но жизнь девицы мне нравилась куда больше сейчас. Живёшь беззаботно, ничего не нужно делать, ни о чём переживать. Я не должна так думать! Я женщина, а вскоре и жена, я смогу это сделать. Мне это под силу. Если конечно я сама этого захочу и буду стараться, а не лениться.

Едва я вытащила пирог и поставила его на стол остывать, в дверь раздался стук. Неужели за своими раздумьями я настолько провозилась на кухне, что не заметила, как пролетело время? Я выбежала в коридор и распахнула дверь. На пороге раскрасневшиеся и замёрзшие стояли девушки. А ещё они все были в снегу.

- Это что, снег?

- Да, - проговорила радостно Мариэнн, её черные кудри все были в снежинках, - стоило нам выйти из дома, как пошёл снег. Представляешь? Так рано в этом году.

- Да уж... - Недовольно проворчала Лорейн, переминаясь с ноги на ногу.

- Ах, не стойте, проходите... - я посторонилась, пропуская их внутрь. Пока они отряхивались, переговариваясь, я заварила чай на кухне и расставила кружки. Когда девочки вошли, я оглядела их и едва не расплакалась от умиления. Меня уже мучала тоска по ним. Как же мне не хотелось с ними расставаться. С этой хохотушкой-веселушкой Мэриэнн, чьи голубые глаза всегда так доверчивы, и с холодной и отстранённой порой Лорейн, готовой всегда впутаться с неприятности. Лорейн была высокой, выше меня и уж тем более выше пухленькой и маленькой Мэриэнн, а ещё меня всегда поражали её волосы, пронзительного золотого цвета, и в сочетании с тёмными глазами всегда имели колдовской эффект на мужчин.

- Ах, девочки... - Я всё же не сдержалась, по моим щекам потекли слезы. Они обе замерли на входе в кухню, не понимая, что происходит, - Я... я уезжаю отсюда... но я уже скучаю по вам.

Я подошла и порывисто прижала к себе сначала одну, а потом другую оторопевшую подругу.

- Эйни, в чем дело? Зачем тебе уезжать? - Лорейн удивлённо присела на стул, я пододвинула ей чашку с горячим чаем. Мариэнн села рядом, на её лице тоже блеснули слёзы.

- Я выхожу замуж.

- Что? - Два крика слились воедино. - Когда?

Так начался наш день. Мы поболтали до самого вечера, то уходя в гостиную, когда пришла тётушка Лорейн, то ко мне в комнату. Я рассказала им все про Армана. Ну почти все. Умолчав лишь о некоторых подробностях из-за страха быть высмеянной. Мне бы просто не поверили, даже если бы я и захотела рассказать им правду, не приглашать же сюда Армана, чтобы он продемонстрировал им клыки. Я сказала, что мы встретились на улице, когда Арман поднял мою упавшую перчатку и был мною сражён наповал. Оказалось, что Арман старый знакомый моей тёти, и она нас познакомила, тогда он и влюбился в меня. А поскольку он был тут ненадолго, то предложение было сделано столь стремительно. Я безбожно приукрашивала и добавляла пикантных подробностей, вызывая на лицах подруг восторг и переживания. Мне и самой нравилась эта история, как и в оригинале, так и приукрашенная, и изменённая. Может мне стоит написать книгу об этом?

- И не страшно тебе? - Мариэнн прижала ладони к пухлым и румяным щёчкам. - Ты же его совсем не знаешь...

- Я могу ему доверять.

Я улыбнулась. Я и правда ему верила.

- Ты выглядишь очень счастливой, - отметила Лорейн, а я в ответ лишь рассмеялась, что тут скажешь? И это тоже правда. - А как же Мэни?

Моё веселье быстро поухло.

- Я отказала ему.

- Он делал тебе предложение? - Мариэнн распахнула глаза и охнула.

- Да... но я не смогла согласиться. Он не тот, кто мне нужен.

- Главное, что ты нашла того, кто нужен. - Лорейн погладила меня по голове с тёплой улыбкой.

- А теперь чихни на нас, чтобы мы тоже вышли замуж.

Я расхохоталась, Лорейн, как всегда.

- Сама найдёшь мужа, ты вон какая красивая.

- Ах, если бы дело бы только в этом.

- Слушай своё сердце, - передразнила меня Мариэнн, я укоризненно на неё глянула. - Ну прости, не понимаю я этого, вот когда кушать хочу, это все понятно сразу, а тут. Оно же не урчит даже.

- Тебе бы только покушать, - Лорейн закатила глаза. - Хотя я тоже не очень понимаю...

- Это когда ты смотришь на него и... внутри душа прям говорит тебе да, нам надо быть с ним.

- Ты будешь нам писать?

- Ну конечно.

Мы снова порывисто обнялись. Они стояли на пороге, уже одетые и очень грустные.

- Я вообще-то замуж выхожу, а не на похороны еду, так что давайте без скорбных лиц.

- Будь счастлива, - Лорейн отвернулась, но я могла поспорить в её голосе звучали слезы, Мариэнн обняла ещё за плечи и, послав мне извиняющую улыбку, также вышла за верь. Я осталась смотреть им вслед. Был тихий и светлый вечер, шёл снег.

Часть 14.

Следующий день прошёл весь в сборах, я несколько раз собирала и разбирала чемодан, то выкладывая часть вещей, то собираясь забрать с собой все-все. Тётушка Лорейн ходила за мной по пятам то и дело отпуская советы, я слушала её внимательно, некоторые я даже записывала. Утром рано должен бы прийти Арман за мной, поэтому мы снесли все чемоданы вниз, к дверям и приготовили одежду на утро. Чемоданов вместо двух оказалось все-таки три. При чем третий пришлось брать у тётушки, потому что у меня было их всего два. Перед самым сном мы с тётушкой сделали себе горячего домашнего шоколада и забрались к ней в спальню, как и когда-то давно. Попить, поболтать и просто так провести время. Я была так взволнована, что мне казалось, совсем не усну этой ночью, поэтому это предложение тётушки Лорейн поболтать было очень кстати.

- Могу я дать тебе ещё пару советов из жизни, дорогая моя?

- Ну конечно, - растекаясь по креслу от тепла маленького камина, пробормотала я. Тётушка Лорейн вздохнула.

- Может по мне и не скажешь, но большую часть жизни я прожила с мужчиной, которого любила. Мы были так счастливы...

- Вы были замужем? - Я удивлённо подскочила в кресле. Вот это новость.

- Нет-нет, что ты... - тётушка рассмеялась, поправив одеяло в своих ногах. - Мы не были женаты, мы просто жили с ним вместе пару десятков лет.

- А почему вы не были женаты?

- Так получилось... а вообще это длинная история. Может быть как-нибудь в письме к тебе расскажу её. Так вот... меня многому научил он, мой любимый Тео. Так что сегодня я готова дать тебе пару советов как упростить свою жизнь в семье.

Я снова откинула на спинку кресла. Вот это да... у тётушки Лорейн была любовь. Нет, это конечно не так уж удивительно. Удивительно что она жила с этим неким Тео, любила его, но при этом он не был её мужем. Отчего же так?

- Первый и самый главный совет – это уважай своего мужа и чти его. Его слово – закон.

- А если всё же не согласна?

- Тогда соглашайся, - и видя моё удивлённое лицо, тётушка расхохоталась. – Мужчине бесполезно отказывать или идти поперёк него, надо соглашаться, а потом лаской поворачивать, куда надо. А коли будешь перечить, он встанет, как вол, упрётся рогом и будете там до скончания веков стоять.

- Ммм... хорошо.

- Ещё не забывай про себя. Будь всегда красивой, мужчины любят глазами, так что не позволяй себе быть неухоженной... И всегда оставляй пару минуток на себя, на чтение, рисование или шитьё. Чтобы отдохнуть, а потом снова прийти к мужу свежей и красивой.

- Я слышала, что надо отдать всю себя мужу, до самой последней капельки.

- Вранье все это, - сурово подытожила тётушка. – Если же ты себя до последней капельки отдашь, что же у тебя останется?

- Ничего...

- Вот, а разве ж он в ничего влюбился? Нет. Конечно, если говорить про верность... Это, кстати, тоже один из важных пунктов: всегда быть верной мужу, даже в мыслях, ни с кем его не сравнивать – это залог того, что ни одна чужая женщина не коснётся его сердца. А вот если про все остальное... нельзя забывать про себя, просто нужно уметь делать все, что надо и успевать, что хочешь.

- Ещё б научиться этому...

Я вздохнула и отпила какао, оно тёплой расслабляющей волной спустилось в желудок, согревая.

- Просто запомни, может это придёт не сразу, но потом ты обязательно научишься это использовать. И ещё... самый главный секретный секрет, - тётушка понизила голос, а я напряглась, готовясь его услышать. – Всегда улыбайся.

- Улыбаться?

Я была возмущена. Какой же это секрет? Это просто глупый совет. Да и как же можно всегда улыбаться?

- А что? Разве ж кислое лицо с утра подымает настроение? Нет? Ну вот и думаю муж твой также думает. А всегда довольная и улыбающаяся жена радуется взору. И сразу хочется ей сделать что-то приятное.

Мы помолчали, тихо потрескивал огонь в камине, пока я раздумывала над тётушкиными советами. Все это было так странно и сложно. Смогу ли я исполнять их?

- И ещё, Эйни... - Я подняла голову. - Хвали его. Всегда хвали и за все, это хлеб мужчины и не лишай его этого. Он без этого жить не может. Я когда только начала жить с Тео, руководствовалась принципами моей мамы, что мужчину надо воспитывать, а хвалить его не надо, испортиться... - Тётушка как-то печально ухмыльнулась самой себе, потом взглянула на меня. - Я ошибалась, если бы сестра Теодора не открыла мне глаза... Мы наверняка бы разругались с ним ещё тогда. Он делал для меня так много и ждал, когда же я ему скажу, что он молодец. Как ребёнок, ей-богу... - Она рассмеялась, но в смехе этом была тоска. Что с ним стало? С этим Тео?

- А я сначала упрямылась, не хотела. Но потом поняла, что у меня нет другого выбора, если его не буду хвалить я, значит будет другая. А мне этого ужасно не хотелось... Так что пришлось переступить через свои страхи и... получить абсолютно счастливого мужчину, который готов сделать в два раза больше только за мои благодарственные слова.

- Неужели это и правда так работает? Простая похвала? Это же так просто...

- Я знаю, дорогая моя. Очень просто... ещё один такой же простой секрет в том, чтобы быть собой и выражать все свои эмоции ему и говорить о них ему.

- Хорошо... но, тётя, как всегда быть довольной и при этом проявлять свои эмоции?

- Смотри, когда что-то происходит, какая-то ситуация... у тебя возникает, например, злость, да? Если ты найдёшь там, в этой ситуации, что-то положительное, то ты сможешь быстро успокоиться и все принять, как есть. Но когда в первую минуту, когда гнев или уныние полностью захватят тебя, тебе нужно максимально оставаться собой. Хочешь плакать - плачь, кричать - кричи. Не долго, заунывно рыдать, поддаваясь какому-то внутреннему безумству, а так... сиюминутно. А потом снова возвращаясь в улыбку и спокойствие.

- Но зачем?

В голове мелькали все те слова, что говорила мне холодная и отстранённая Лорейн об эмоциях, о том, что мужчинам нравятся уравновешенные женщины, которые не истерят. А для Лорейн любая эмоция была практически истерикой, тем более уж злость, гнев или просто плач.

- Твои эмоции - это специи в мире мужчин. Мужчины всегда собраны и холодны, им не престало рыдать, как маленьким, чем-то радоваться слишком или грустить. Зато женщине это позволено, так что они наслаждаются женскими эмоциями, но только, когда с этим не перебарщиваешь. Если в суп насыпать очень много перца - получится гадость, а не пикантная острота.

- Да... - Потянула я, я и не думала об эмоциях в таком ключе. Всё-таки тётушка Лорейн ужасно мудрая. - Хорошо, я поняла, что выражать свои эмоции надо, но говорить о них зачем? Неужели он сам не поймёт? Не увидит?

Тётушка Лорейн подавилась своим напитком, услышав мой вопрос, и громко рассмеялась, повергая меня в оторопь. Что же я сказала такого смешного? Просмеявшись и откашлявшись, тётушка взглянула на меня:

- Ах, Эйни... как ты юна и наивна. Когда общаются двое людей, даже если это женщины, ты ведь не всегда можешь понять, что у собеседника на душе. Может ему плохо, или он грустит?

Или даже злиться на тебя за неосторожное слово. Но ты же об этом не знаешь. А мужчины не всегда наблюдательны, зато часто грубы и неосторожны в высказываниях.

- Это точно, - подтвердила я, было дело что даже Мэни порой говорил совершенные глупости, от которых мне хотелось расплакаться. Надеюсь, Арман не страдает этим...

- Вот-вот, а когда ты говоришь мужчине, что чувствуешь, ему легко и просто ориентироваться. Мне больно, мне неприятно, я очень рада. Очень упрощает жизнь и ему, и тебе. Он всегда точно знает, что ты чувствуешь, а ты всегда понята и услышана.

Тётушка сделала ещё один глоток.

- А теперь иди, Эйни. Я бы ещё многое хотела тебе рассказать, но время позднее, тебе надо лечь спать, а то завтра ты будет не выспавшаяся. Иди-иди, дитя.

Выслушав это, я удивлённо зевнула. Заходя в комнату тётушки Лорейн, я думала, что так и не смогу почувствовать себя уставшей и захотеть спать, но тепло, кружечка какао и дружеский разговор сделали своё дело, и мне захотелось спать. Я снова зевнула и, пожелав тёте спокойно ночи, отправилась в свою комнату. Там раздевшись и забравшись под холодное одеяло, я легла, думая о том, как холодно в доме. Я закрыла глаза, представляя нашу завтрашнюю поездку, однако меня сразу сморил сон.

Утром меня разбудила тётушка, за окном было темно, а в доме очень холодно. Едва я выбралась из-под нагретого моим теплом одеяла, меня окутал совершенно зимний холод. Ёжась и стуча зубами, я быстро бегала по комнате, одеваясь в одежду. Это мало помогало согреться, да и в одежде было все равно прохладно. Если дома так холодно, что же тогда на улице твориться?.. Меня передёрнуло от осознания что придётся идти по холодным и промозглым улицам, но я все же нашла в себе силы спуститься вниз, где тётя растапливала печь. Там было ощутимо теплее, и я, судорожно выдыхая, протянула руки в печи.

- Держи, горячий.

Тётушка, добродушно ухмыляясь, поставила передо мной кружку с какао. Когда она успела всё сделать это?

- Спасибо, - почти простонала я, отпивая полкружки разом, обжигая горло и язык, но радуясь тому теплу, что было теперь внутри. Правда мой живот не обрадовался, его скрутило, когда туда плеснулась обжигающе горячая жидкость. Он возмущённо заурчал.

- Сейчас-сейчас, я вам кое-что в дорогу приготовила.

Тётушка достала из шкафа снедь: пироги, пирожки, что-то в горшке, крынку с молоком, хлеба краюху. Все это начала складывать в корзинку под полотенце, часть поставила передом мной, чтобы позавтракала. Собственно, этим я и занялась.

- Куда ж нам столько?

- Дорогая моя, путь то дальний, а если не отвлекаться на всякие отдыхи, да перекусы явно будет быстрее дорога. Поверь мне, да и всегда в дороге голод волчий просыпается.

Я кивнула, думаю тётушка права, да и чего отказывать от такой вкусноты, Арману может и не понадобится, а я явно не откажусь в экипаже отобедать или отужинать, смотря как получится. Когда я доела, и мы уже все собрали, раздался стук в дверь. Опережая тётушку, я

распахнула дверь и радостно впилась взглядом в его лицо. Целовать при тётушке не решилась, хотя и всё же очень хотелось. Там в клубах холодного воздуха стоял Арман. Он был одет по-зимнему, в тёмную шубу, шапку меховую и сапоги. Его глаза сияли словно изумруды, а улыбка приветствовал меня.

- Арман...

Я замерла, глядя на него и не могла наглядеться.

- Коридор выстудишь, - раздался сзади ворчливый голосок тётушки. - Заходите уже внутрь.

- Экипаж уже ждёт, Лорейн. Там что давай вещи.

Я посторонилась, пропуская его, улыбаясь глупой и такой счастливой улыбкой, он легко и непринуждённо оглядел мои чемоданы, покачал головой и, подхватив их словно невесомые, понёс на улицу. Я, спохватившись, вспомнила, что так и не оделась до конца. Пока я куталась, Арман уже отнёс и чемоданы, и корзинку с провиантом в экипаж, так что, когда я явилась, ждали только меня. Тётушка Лорейн вытирала украдкой слезинки со своих щёк.

- Тётушка, ну что вы... - Я обняла её, хотя это было и не очень удобно в тёплой накидке. - Я буду вам писать, обещаю. Ни за что вас не забуду.

- Ах... Эйни... - Она всхлипнула, заставляя моё сердце сжиматься. - Береги себя. А ты... - Тётушка погрозила кулаком Арману, - Не обижай мою девочку.

- Ни за что, - он подмигнул мне.

- Смотрите мне оба.

Пока я спускалась с крыльца я то и дело оборачивалась с ней, стоящей в дверях.

- Тётушка Лорейн, - уже почти забравшись в экипаж, окликнула я её, она помахал мне рукой. - Я люблю вас. Спасибо за все.

Она спрятала слёзы в своём вышитом белом платочке, и я с чувством удовлетворения, наконец села внутрь.

- Тише-тише, - я прижалась к Арману, капая слезами на его шубу. - Всё будет хорошо, она сможет позаботиться о себе.

Я всхлипнула в ответ. Какое-то время я так и сидела, прижимаясь к нему и всхлипывая, за это время мы успели выехать к окраине, там я пересела к окну, но пейзаж хоть и был красив быстро утомил меня, и я начала клевать носом в вскоре совсем заснула на плече у Армана.

- Эйни, просыпайся.

- Что?

Я села и тряхнула головой, Арман уже вылез из экипажа и сейчас легко тормозил меня.

- Выходи, мы приехали.

- Приехали? Как? Куда?

Разве он не говорил про другую сторону Нуарии?

- В порт, любимая.

Растаяв от этого «любимая», я подавала ему руку и выла из экипажа, было шумно, мы стояли на причале, рядом плескалось море. Поблёскивая в лучах утреннего уже вставшего солнца. Сколько часов мы ехали?

- Но порт - это же так далеко... - Тихо пробормотала я, рассматривая море во все глаза. Я впервые видела его, и оно мне нравилось... Оно так красиво переливалось, то оттеняясь синим, то зелёным.

- Всегда в паре часов езды. Идём, наш корабль ждёт нас.

Он взял меня под руку, за ним шли мужчины, которые несли наши чемоданы, Арман вёл меня к трапу, а затем обернувшись, поцеловал меня в губы.

- Пара дней, и мы дома.

Я опешила. Пара дней? Так мало? Мы поедим на корабле? На этом?..

- На корабле?

Удивлённо переспросила я, тая от его улыбки и не желая расставаться с ним ни на минуту. Едва я зашла на корабль, я почувствовала, как неустойчив пол, как качается корабль в такт волнам. Это даже... успокаивало. Я вцепилась в руку Армана и огляделась, вокруг было много людей: и мужчин, и женщин, они переговаривались о чём-то, сидели на скамьях, ели и пили. Они будут нашими попутчиками?

- Да, любовь моя, так будет проще. По морю мы доберёмся за пару дней, а если напрямик, через всю страну, то и недели будет маловато.

- Ого...

Восхищённо протянула я, подходя ближе к поручням и испуганно вцепляясь в них. Там за бортом плескалось море, сияло и слепило глаза и было восхитительно завораживающим. Вспомнились отчего-то советы тётушки Лорейн.

- Арман, я... - Я посмотрела ему в глаза, - я так счастлива. Но немного волнуюсь...

- Ничего страшного, я тоже волнуюсь, - Он снов подмигнул мне, сжимая мои пальцы в своей руке, - И тоже счастлив.

Я снова вернулась взглядом к морю.

- Сейчас будет самое интересное, - Арман обнял меня сзади, заставляя все тело трепетать и впитывать эти ощущения, когда он сзади обнимает и указывает рукой на берег. - Мы будем отплывать.

И правда, стоило Арману это сказать, как корабль мягко качнулся, отплывая от берега всё дальше и дальше. Сначала я смотрела как замороженная на это, меня это восхищало и вдохновляло, но потом меня остро посетила тоска. Я покидала родные края. Навсегда. Я обернулась и спрятала своё лицо на груди у Армана.

- В чем дело, Эйни?

Его тёплые руки обнимали меня, успокаивая только тем, что просто были рядом.

- Мне грустно, что я покидаю это место...

- Не переживай, если захочешь, ты сможешь приехать сюда, когда захочешь.

- А если не захочу? - Я отняла лицо и лукаво уставилась в оторопевшие зелёные глаза.

- Тогда никуда и не пушу.

Арман наклонился ко мне и запечатлел на моих губах поцелуй, а потом мы вместе продолжили смотреть на удаляющийся берег.

Эпилог.

Закончив писать письмо, я встала из-за стола и потянулась. В комнате было темно. Неужели так стемнело уже? Я подошла к окну. Нет, просто погода испортилась, густое тёмное небо вот-вот разольётся дождём. Я вернулась в кресло, перечитывать письмо не хотелось. Завтра его отправят, и через две недели оно будет на месте, в её тёплых тётушкиных руках. Я огладила исписанный лист бумаги. Ответное письмо тётушки Лорейн лежало на столе, я сложила его и дотянувшись до шкатулки положила внутрь. Шкатулка была уже полна, за два года там набралось достаточно писем. Была ещё одна шкатулка, для писем от девочек, иногда я им всем троим писала одно письмо, если не было времени, иногда хватало написать каждой хотя бы по абзацу. Сейчас было время жатвы, но дожди никак не давали людям окончить свою работу, они боялись, что урожай не случится.

Я встала из-за стола второй раз и вышла в коридор. В коридоре было светло и тихо, редкие слуги радостно мне улыбались, кланяясь, и продолжали путь. Два года назад ступив первый раз на территорию «настоящего дома Армана», я пришла в ужас. Я ожидала увидеть дом, да, большой, да, запущенный, но просто дом. Я усмехнулась, но ожидало меня имение громадного размера, гигантский трёхэтажный дом, почти заброшенный, заросший, унылый сад, в котором погибли за столько лет не только плодородные деревья, но и простые кустики с цветами, множество хозяйственных построек, за которыми также никто не следил. Имение было огромным, для двоих так точно, за ним присматривал дворецкий и его жена, как оказалось это дворецкий был сыном того, что был ещё при Армане, и он верно служил, защищая дом и следя за ним в меру своих сил. Но что могут двое людей почтенного возраста, даже при большом желании? Слуги были распущены давно, и никто не знал, когда вернётся хозяин.

Работы было очень много, первые дни я растеряно ходила по этому имению, разглядывая стены в плесени, упавшие обои, старую и просевшую мебель. Я боялась взяться за что-то, работы, мне казалось, так много, что мне и за век не справиться, но за дело взялся Арман... Не прошло и недели, как у меня была целая армия слуг и помощников и, получив разрешение тогда ещё жениха, я занялась генеральной уборкой, безжалостно выкидывая все сломанное и не подлежащее ремонту. Все остальное было отправлено в деревню, которая окружала имение и также принадлежала Арману, на их нужды, либо на починку. За год я успела полностью переделать первый этаж, завезти новую мебель, всё расставить и перекрасить, обставить так, что каждый раз я испытывала моральное удовлетворение, спускаясь на первый этаж и проходя мимо какой-то картины или колонны. Были в этом доме и такие вещи, что заставляли меня трепетать и старательно вызывать мастеров, чтобы они восстановили эту красоту. Например, витражи в одной из столовых, кровать в нашей спальне, трюмо и ещё пара вещичек, покоривших моё сердце.

И если тогда я все делала с опаской, оглядываясь на Армана и ожидая похвалы или наказания от него и вообще не зная, чего от него ждать, то сейчас я чувствовала себя полноправной хозяйкой целого имения, которое было восстановлено наполовину, огромного сада, где выращивались различные растения от декоративных до плодоносных. Столкнувшись с управлением всеми слугами, я несколько была растеряна, однако жена деревенского старосты многому меня научила и по сей день давала мне ценные советы. Деревня, что располагала вокруг имения и принадлежала Арману, по его же словам стала больше за то время, что его не было и увеличилась почти на треть за эти два года. Пока я занималась домом, садом и слугами, Арман руководил деревней. Помогал им деньгами, советом и просто своей поддержкой, его так искренне приняли и так ждали, что я, признаюсь, была весьма этому удивлена, также, как и искренней радости от того, что такой добрый хозяин привёл в свою семью девушку. А ещё все люди в деревне знали, что ему нужна кровь. Вот все, поголовно. И все относились к этому так, словно это было абсолютной нормой.

Мне нравилось тут, определённно. Я скользнула по отполированным перилам, коснулась картинной рамы. Теперь это был любовно отстроенный дом, в котором было уютно и красиво, я старалась по максимуму справляться со своими обязанностями, помогала мужу в деревне. Мужу... Я тронула перстень с зелёным как глаза Армана, камнем. Когда мы приехали в этот дом меня с азартом охватило желание все перестроить и переделать и то, что Арман не является мне официально мужем, не беспокоило меня, однако несколько месяцев спустя он напомнил мне об этом, надев на палец кольцо и сообщив, что у меня есть месяц, чтобы все подготовить к нашей свадьбе. И вот мы уже как полтора года женаты, без детей по известным причинам. Сначала меня это даже огорчало, когда я получала радостные письма от Лорейн, что он вышла замуж и ждёт ребёнка, и от Марианн, что он уже родила одного и ждёт второго, но... решила просто принять этот факт. Пока так.

Теперь я могла одеваться в изысканные платья и самые красивые туфли, мне служанки делали причёску и массировали вечерами плечи, нас кормили вкуснейшей едой, и мне не приходилось готовить самой. Однако вскоре я поняла, что не так уже это важно для меня, набаловавшись этим в первый год, во второй я просто перешла на красивые, но практичные платья и туфли, чтобы было видно, кто я, но при этом мне не требовались помощники, когда я передвигаюсь по дому и имению. Мы ели не только изысканную и дорогую пищу, но и обычную, которая была полезнее и вкуснее порой. Арман с улыбкой следил за моими изменениями и лишь изредка поправлял меня, когда меня начинало заносить. Он был любящим, искренним мужем, прекрасным другом и слушателем. Я могла быть с ним собой и ни разу, ни одного дня, проведённого тут, в его имении, я не пожалела, что вышла за него замуж. Даже те дни, когда я, свесившись через перила, кричала ему гневные слова, швыряя дорожкой вазой в него, я все равно любила его, и все равно хотела быть его женой.

Скоро должен бы быть праздник плодородия, и Арман пропадал целыми днями в доме старосты, помогая делать то, что мог и делать из своего кабинета на третьем этаже имения. Но видя, что он так старается для этих людей, с какой открытой радостью участвует во всех их праздниках и фестивалях, я сама наполнялась любовью к этим людям. Для него это не были просто люди, которые платили ему налог за его землю и за то, чтобы там жить, это была его семья, и он о ней заботился так хорошо, как мог.

Я тихо улыбнулась. Я почти спустилась на первый этаж, оставалось совсем немного, когда вечернюю тишину дома разорвал крик. Я замерла, несколько секунд тратя на осознание происходящего. Крик? Я прислушалась, неужели показалось? Нет, крик повторился ещё громче и надрывнее. Это был младенческий крик, и сердце отозвалось на него, сжавшись в тугую комок и застучав быстрее. Я пробежала по коридору, игнорируя удивлённые взгляды

горничных, собиравшихся убирать его, и остановилась наверху главной лестницы. Лестница была как раз напротив входной двери, там, рядом с дворецким стоял Арман, он был весь мокрый. В приоткрытую дверь было видно, как на улице хлещет дождь.

Арман стоял посреди холла со странной блаженной улыбкой, в его руках был свёрток, издававший столь громкие звуки.

- Арман?

Я начала движение вниз, мой голос вознёсся к сводам и достиг его ушей, он повернулся ко мне, и когда я подошла ближе, показал свёрток. Там был младенец, конечно же, совсем ещё малютка, он истошно кричал, требуя чего-то и стискивал крохотные кулачки. Сама не понимая, что делаю, я взяла у Армана свёрток и тихонько покачала. Малыш затих и как-то подозрительно взглянул на меня, но не решался больше нарушить тишину. У него были яркие серо-голубые глаза, поглядывающие на меня и беззубый причмокивающий ротик. Наверное, он голоден, мелькнуло в голове. Я, все также прижимая к себе это маленькое существо, озадачено посмотрела на мужа, он все также улыбался мне счастливой улыбкой безумца.

- Арман? Кто это?

- Его зовут Летти. Правда он очень милый?

- Летти, - тихо произнесла я, одной рукой погладив малыша по щеке. У него была мягкая и горячая кожа, я млела, касаясь её, внутри превращаясь в какой-то странный комок нежности. - Откуда он?

- Любовь моя, - Арман развернул меня к себе и взял за плечи, - в деревне случился пожар, обвалилась крыша местного клуба, и его родители погибли...

- О, боже... - Я задохнулась от жалости к этому бедному малышу, оставшемуся без крова и родителей.

- Дорогая, я знаю, что у тебя много забот, прости, если требую от тебя слишком многого...

Я подняла голову и взглянула в глаза Армана. Мы поняли друг друга.

- Конечно, мы его возьмём.

Мне хотелось быть с этим ребёнком, я уже чувствовала эту связь к нему.

- Но, любовь моя?..

- Что?

Я все также улыбалась и смотрела на Летти, а он на меня. Мне было все равно, что происходило в этом мире, меня наполняло тихое и безмятежное счастье. Летти тихо гукнул мне в ответ, вызывая слезы на моих глазах.

- У него была старшая сестра... А ещё... - Арман потупился. - Прости... Там погибла ещё одна женщина, вдова, она одна воспитывала сыны. Я не мог их оставить там...

Я подошла ближе и сжала его руку, прижимаясь всем телом. Мой муж самый добрый на свете человек, как можно было сомневаться в подобном.

- Как скажешь, любимый, я всех их приму.

Я, конечно, знала, что это будет непросто, что мне придётся потрудиться, но ради этих восхищённых зелёных глаз, я сделала бы это не раз и не два. Разве я могла отказать ему? Да и ещё в таком действительно важном деле.

- Приведи их, они в экипаже сидят. - Арман обратился к дворецкому, и тот скрылся за дверь. Прошла пара мнут, и дверь открылась, пропуская его и мальчишку, что кутался в мокрый плащ Армана. На руках дворецкого сидела девочка. Девочка и правда была чем-то похожа на своего младшего братика, она была ещё совсем маленькой, года два, может быть. Она была в ночной сорочке, большие, такие же как у брата, серо-голубые глаза были распахнуты в испуге, а тёмные волосы, обрамлявшие круглое пухлое личико, были мокрыми. Она испуганно прижалась к дворецкому, собираясь заплакать. Я перевела взгляд на мальчика, он был высок и потерян, его тёмные глаза ничего не отражали и, казалось, он вообще был не тут, он был худ, и я бы сказала даже истощён: глаза запали, скулы слишком резко выделялись на детском личике, а волосы были грязны, он также был одет в ночное. Бедные дети...

Арман посмотрел на меня, и я поняла, что он ждёт, что вот сейчас я, наверное, передумаю, откажусь от всего этого. Он внутренне готов отстаивать свою позицию, защищать этих, ставших ему за вечер, родных деток. Даже если на задворках у меня и возникало желание отказать, струсить, то оно растаяло под этим напряжённым взглядом зелёных глаз.

Я подошла к мальчишке и погладила его по мокрым и грязным волосам, он обратил на меня внимание.

- Эй, привет, - он все также смотрел, но уже не так бессмысленно, - Иди ко мне. Мы позаботимся о тебе.

Я наклонилась и, придерживая Летти, запечатлела на его мокром от дождя лбу поцелуй, стараясь вложить как можно больше тепла и любви к нему. Откуда только взялась сейчас это любовь к ним? Желание заботиться об абсолютно незнакомых детях? Мальчишка вздрогнул всем телом, его губы, стиснутые до этого времени, задрожали, и он прижался ко мне, судорожно цепляясь маленькими пальчиками за платье. Приглушенное рыдание вызвало во мне странное ощущение. Мне захотелось всё бросить и успокоить его, чтобы он вот так горько не плакал посреди этого холла, словно потерявшийся щеночек. Я погладила его по волосам, мои собственные слезы подступили к глазам. Я повернулась к девочке, она капризно скривила губки и, заметив, что я на неё смотрю, тоже разрыдалась, протягивая ко мне ручки. Я приобняла её. Также целуя в макушку. Слезы все же вышли из-под контроля и стекали по моим щекам. Так в один прекрасный, но ужасно горький вечер я из просто жены стала мамой трёх ребятишек. Сзади меня обнял Арман, утешая поцелуем в шею.

- Ты прекрасна.

Там мы и стояли под умиляющим взглядом дворецкого и осторожно выглядывающих служанок, обнявшись и плача. Завершил эту композицию Летти, добавив к нашему тихому концерту свой громкий и очень требовательный плач.

Почти ночью после сотни дел по отмыванию, утешению и укладыванию троих малюток спать, я расчёсывала свои волосы перед зеркалом в спальне. Арман лежал на кровати, просматривая какие-то бумаги и изредка шурша ими.

- Арман, - тихо позвала его я, смотря на него в отражении зеркала, он послал мне воздушный

поцелуй и с улыбкой снова уткнулся в бумаги, - а что ты будешь делать, если в деревне снова случится несчастье? И снова дети останутся одни?

Он замер, опуская лист на одеяло, задумался, потом, не глядя на меня, сообщил:

- Пожалуй, я приду домой к своей любящей жене с добрым и большим сердцем и попрошу её взять под своё крылышко ещё кого-то, - затем Арман уверенно взглянул в мои глаза, моя рука с расчёской так и замерла в воздухе. - Прости, любимая, если тебе это неприятно. Я столько раз в таких ситуациях держал детей на руках, бегая по деревне и пытаюсь найти того, кто возьмёт к себе лишний рот, да и ещё не просто возьмёт, а сможет приласкать и пригреть его. Сам не решался, не было у меня ни условий, ни желания, наверное. А сейчас ты превратила наш дом во дворец, наполнила его светом и уютом, но он слишком велик для нас двоих. Ты помнишь, ты сама сказала, что мы можем дать наше тепло тому, у кого его теперь нет. Я готов впустить в наш дом так много детей, сколько это вообще возможно.

Я улыбнулась, продолжая расчёсывать волосы, это то, что я и хотела от него услышать. Ничего меньшего я и не ожидала. Скорее услышав что-то другое, я оскорбилась бы.

- Ты самый восхитительный муж на свете, - проговорила я тихо, но он меня услышал. Арман не мог сдерживать улыбки, теперь то и дело поглядывая на меня, а не на свои бумажки.

Тётушка Лорейн, когда-то вы назвали Армана чудовищем, но боюсь вы ужасно ошибались, я не встречала ещё человека с такой большой и доброй душой, способного так любить ближнего своего. Наверное, долгие годы жизни накладывают свой отпечаток на его истинную доброту, увеличивая её в разы. Даже если он никогда не осмелится сделать меня такой, как он, я всегда буду знать, что все дети, попавшие в этот дом, останутся в самых надёжных руках. А тот факт, что он пьёт кровь... я, смотря в зеркало, немного закатала рукав сорочки вверх и задумчиво провела по синеватым точкам пальцем. Ну кого теперь этим удивить?.. Да и почему это может быть несовместимо? Очень даже.

Я встала и улыбнулась своему отражению, продемонстрировав зубы, провела языком по своим родным клыкам. Когда-нибудь, возможно, я стану такой же, как ты, Арман, и тогда мы сможем помогать этим людям гораздо дольше, чем несколько десятков лет. Мы будем не чудовищами, нет. Мы будем чудом, ангелами, что пришли к людям нести свет, добро и благодать.

Я отошла от трюмо и легла на кровать, забираясь под бок к любимому мужу. Армана обнял меня, поглаживая по плечу и целуя в щеку. Ну а пока... Пока все будет так, как есть.

Конец.

5 марта - 8 ноября 2016 г.

Довженко Маргарита